

Антонов А. И.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Александр Антонов

Княгиня Ольга

«Алгоритм»

1995

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Антонов А. И.

Княгиня Ольга / А. И. Антонов — «Алгоритм», 1995

ISBN 978-5-486-03774-0

Александр Ильич Антонов (1924–2009) родился на Волге в городе Рыбинске. Печататься начал с 1953 г. Работал во многих газетах и журналах. Член Союза журналистов и Союза писателей РФ. В 1973 г. вышла в свет его первая повесть «Снега полярные зовут». С начала 80-х годов Антонов пишет историческую прозу. Он автор романов «Великий государь», «Князья веры», «Честь воеводы», «Русская королева», «Императрица под белой вуалью» и многих других исторических произведений; лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» за 2003 г. В данном томе публикуется роман «Княгиня Ольга», в котором перед читателями предстает портрет русской святой, великой княгини, правившей Киевской Русью в X веке. Автор описывает все этапы жизненного пути своей героини: отрочество, замужество, вдовое княжение после гибели князя Игоря и воспитание сына Святослава.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03774-0

© Антонов А. И., 1995
© Алгоритм, 1995

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	43
Глава восьмая	48
Глава девятая	54
Глава десятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Антонов

Княгиня Ольга

© А. Антонов, наследники, 2009

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Дочери Антонине, в крещении Ольге – с любовью посвящаяю

*История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь
Отечество.*

Николай Михайлович Карамзин

Глава первая

Перунов гнев

Той порою на Руси я жил.

Поздним сентябрьским вечером к крепостным воротам Киева, от которых начиналась дорога в Древлянскую землю, подошли два путника. Один из них, древний старец с длинной белой бородой, был кудесник Чур, служивший при дворе древлянского князя Мала, другой, еще отрок, – будущий паломник Мелентай. Старый Чур опирался на посох, переступал тяжело, мелкими шажками, и Мелентай поддерживал его под руку. За спиной у отрока висела торба, а в ней, завернутое в черную тряпицу, лежало волшебное троянское зеркало, да еще каравай хлеба и печеная репа. Подойдя к воротам, Чур поднял посох и постучал. Он знал, что в сей поздний час в города уже никого не впускали, но кудесник шел к великой княгине Ольге и нес от своего князя очень важное поручение.

Прошло немало времени, пока открылось оконце и стражник спросил:

– Эй, кто там?

– Открой врата, витязь, – еще ломким баском сказал отрок Мелентай, – идет кудесник Чур с государевым делом. – Юноша уже побывал со своим старцем в Болгарии, Богемии и даже в Византии и знал, что там всюду открывают врата тем, кто приходит с этими сильными, всегда скрывающими тайну словами.

Заскрипели засовы, ворота приоткрылись, Чура и Мелентая впустили в город, и, не спрашивая ни о чем, один из стражников повел их в княжеские терема.

Было темно и ветрено. Чур семенил торопливо, шел из последних сил. Он знал, что ежели промедлит, на стольный град Руси обрушится две беды, и потому спешил, надеясь предотвратить их, а для того еще до полуночи нужно было предупредить великую княгиню.

Вот и княжеское подворье – теремной двор. Там стражи оказались более строгими и ни в какую не хотели пускать путников в заповедное место. То ли молодые гридни¹ не знали значения слов «государево дело», то ли пренебрегли ими. Однако же калитку открыли.

Колдовская сила Чура была мало кому ведома, не проявлял он ее напрасно, только в крайних случаях. Сей случай пришел, и Чур пустил свои чары в ход. Он лишь дунул на стражников – и глаза им застлал туман, пока те размахивали руками, прошел он с Мелентаем на теремной двор. А как туман рассеялся, так стражники увидели лишь двух котов, неспешно бредущих к хозяйственным амбарам. Чур торопился. Оставалось совсем немного времени до начала того события, кое должна была увидеть великая княгиня. Да как ни спешил, а княжеских стражей в теремах оказалось много и всех их так или иначе надо было миновать. Но в княжеских покоях рынды² оказались понятливее, нежели в воротах. И наконец Чур и Мелентай поднялись на второй покой и были встречены боярыней Павлой, сродницей Ольги по женской линии, матушкой богатыря Добрыни и неизменной телохранительницей княгини, а еще мамкой трехлетнего князя Святослава. Крепкая, мужской стати Павла, рассказывают, ходила с батюшкой в Заонежскую тайгу на медведя и валила того зверя рогатиной.

– Кудесник, что ли? Зачем пришел? – спросила она ласково.

Чур низко поклонился да выпрямился, вровень с Павлой встал.

– Верно, кудесник я. Но сам не пришел бы. Привела судьба твоей княгини.

¹ Гридень – в Древней Руси воин, дружинник.

² Рында – старинное почетное звание оруженосцев и телохранителей на Руси, дававшееся преимущественно молодым людям из лучших родов.

– Да что же она, судьба-то, в услужении у тебя? Говори правду, а не то вынесу из теремов, – пригрозила Павла.

– Ну полно, полно, остепенись да веди к хозяйке судьбы. Я к ней с государевым делом.

– Вон как! Ну подожди. – И Павла ушла в опочивальню княгини. Пробыла там недолго, вернулась и сказала: – Войди, ежели с государевым делом.

Чур взял у Мелентя торбу и вошел в опочивальню.

Княгиня Ольга в этот час стояла у окна, тосковала по любезному князю Игорю и смотрела в темень за окном, да ничего не видела, потому как слезы застилали ей глаза.

– Вот чудесник, – сказала Павла.

Повернувшись к Чуру, княгиня Ольга в сей же миг испытала страх. Она узнала в нем того чудесника, который предсказал судьбу князя Олега. Княгиня заслонила лицо руками и крикнула:

– Чур меня, чур!

– Я и есть Чур, матушка. Ан не спеши меня выгонять.

– Но ты погубил князя Олега!

– Сам он нашел свою погибель, потому как не внял моему слову, не поверил.

– Что тебе нужно? Говори и уходи!

– Мне ничего не нужно. Бог питает меня. Тебе нужнее меня услышать. Убери богатыршу и внимай сказанному мной!

– Павла не уйдет, – возразила княгиня.

– Уйдет. Сказано мною. – И Чур повернулся к Павле, поднял руки и направил ладони в ее сторону. – Изыди! – сказал он властно. И Павла попятилась, да так, задом, и скрылась за дверью. Чур повернулся к княгине. – Теперь слушай. Сказанное мною есть воля твоей Судьбы. Исполнишь ее волю – посеешь добро, нет – родишь зло. – Чур достал из торбы троянское зеркало, завернутое в черную ткань, положил зеркало на стол, откинул ткань и строго сказал княгине: – Встань рядом со мной, смотри в зеркало. Увидишь князя Игоря, повели ему вернуть древлянам все уворованное у них добро и уйти из Древлянской земли.

– Ты лжец! – яростно крикнула княгиня Ольга. – Мой князь никогда и ничего не крал. Он взял у древлян то, что принадлежит ему по праву. Отец все может взять у своих детей.

– Они не дети его. Он ограбил их по праву сильного. Сие – зло. Потому повелевай. – И Чур повел за спиною Ольги рукой, она невольно склонилась к зеркалу, и он накрыл ее черной тканью. – Ты уже видишь князя. Видишь его воинов, кои отнимают у древлян последнее. Повели им остановиться, повели уйти с Древлянской земли! Не желай себе худа! – Голос Чура прозвучал устрашающе.

Княгиня Ольга и впрямь увидела в Зазеркалье князя Игоря на коне, с обнаженным мечом и его воинов, кои отнимали у древлян добро, тащили его, набивали им торбы, переметные сумы, все забрасывали на конские спины. Еще увидела, как воины выгоняли из домов девиц, молодых жен и тянули их за собой. Горожане защищали свои дома и близких, вооруженные чем попало, они отбивались от воинов князя и даже одного убили. И Ольга пришла в ярость, она скинула с головы черную ткань и, сверкая гневными глазами, крикнула:

– Как смеют эти грязные барсуки убивать наших воинов?! Как смеют перечить воле великого князя?! Он государь над всеми, кто населяет великую Русь! – Ольга схватила зеркало, подняла его, дабы разбить, но Чур успел перехватить руки княгини и отобрал зеркало.

Ольга попыталась теснить Чура к двери, но он выставил перед нею зеркало темной стороной, и она уперлась в него руками, будто в каменную стену.

– Ты богомерзкая язычница! – выругался Чур. – Ты со своим князем творишь зло! И коль не внимаешь моему совету, то изведай все, что посеяла! Изведай до покаяния! Казнись тем, что испытаешь ныне ночью! Да вознесется над тобою проклятие всех невинно погибших! – С этими словами Чур покинул опочивальню.

Княгиня Ольга устало опустилась на ложе и зажала уши, дабы не слышать голос Чура. Но лишь только за ним захлопнулась дверь, как за окнами, по всему пространству за Днепром, над степями засверкали молнии, загремел гром. С Древлянской земли на Киев накатывалась гроза, завыл ветер, и вся небесная мощь обрушилась на город потоками ливня. Ольга метнулась к одному окну, к другому, увидела, как на Подоле загорелся от молнии дом. Она выбежала в трапезную. Там ее встретила боярыня Павла.

– Страсти-то какие, матушка княгиня! – воскликнула она. – Да все по воле колдуна началось! Он тут дул и проклятья слал!

– Вели задержать того дерзкого старика! – приказала Ольга. – Приведи его ко мне!

– Нет его в палатах, словно в воду канул, – отозвалась Павла.

– Ищи его на теремном дворе! Скопом ищите! – повелела княгиня служилым, собравшимся в трапезной.

Многочисленная дворня тоже слышала голос княгини. И люди, хватая что попадалось под руки, дабы укрыться от ливня, покидали терем.

Княгиня Ольга, побуждаемая предчувствием беды, вновь скрылась в своей опочивальне, подбежала к окну, распахнула его – в грудь ей ударил холодный ветер, дождь хлестнул по лицу, но она не отстранилась от окна. И в этот миг молния ударила в столетний дуб, возвышающийся на теремном дворе, расколола его пополам, и он, словно вязанка хвороста, запылал. Увидев, как рухнуло ее любимое дерево, Ольга закричала:

– Мой бог, мироправитель, за что разгневался на нас?!

Но Перун не внял ее голосу. Он гнал и гнал грозовые тучи с Древлянской земли, где находился в этот час ее любимый супруг, князь Игорь. Он ушел собирать с древлян дань, исполняя праведное дело. Каждый год в середине октября или начале ноября князь Игорь, а до него князь Олег³, уходил в полюдье и до самой весны, двигаясь от города к городу, от селения к селению, собирал со своих подданных все, что было необходимо, чтобы содержать воинскую дружину, княжеский двор и жрецов, хранящих Перунов огонь.

Было все так и этой осенью. Но княгиня Ольга заметила, что в последнее время в дружине Игоря начались плохие перемены. Теперь дружина делилась на две части, чтобы успеть за зиму охватить большее пространство великой державы. И одну часть дружины возглавлял воевода Свенельд⁴. Сам страдающий корыстью, Свенельд и дружине позволял грабить данников чрезмерно, властвовать над их жизнями и имуществом. Он говорил воинам: «Берите все, что вам мило». Потому в княжеской дружине начался ропот. Воины, особенно варяги, хотели того же. Но позволял ли князь Игорь своим воинам творить подобное, Ольга не могла утверждать. И потому она не поверила всему, что увидела в зеркале Чура.

Размышления Ольги прервались новой вспышкой молнии, во второй раз ее удар пришелся в горящий дуб. И в пламени, взлетевшем к небу, Ольга увидела образ князя Игоря. Ей показалось это невероятным, она отшатнулась от окна. Но образ был зримым. Князь пытался вырваться из пламени, искры мириадами взлетали над ним. Все старания князя были тщетными. И вдруг на пылающий дуб обрушился поток ливня, князь вырвался из усмирненного пламени и полетел к Священному холму. Во все увиденное княгиня поверила искренне и, оставаясь истинной идолопоклонницей, вознесла благодарение Перуну, выбежала из опочивальни, миновала опустевшие покои, оказалась на теремном дворе, где толпою стояли ее служилые, так и не нашедшие колдуна Чура. Ольга пробежала мимо них прочь с теремного двора. Слуги и княжеские телохранители побежали за ней следом. Молодой и быстрый отрок догнал кня-

³ Олег – легендарный князь, варяг, княживший в 879–882 гг. в Новгороде, а в 882–912 гг. в Киеве.

⁴ Свенельд – воевода X в., служивший трем киевским князьям – Игорю Рюриковичу, Святославу Игоревичу и Ярополку Святославовичу. При Игоре играл выдающуюся роль, заменяя князя во всех военных предприятиях. Он вел продолжительную войну с угличанами, окончившуюся полным их покорением. При Святославе участвовал в походах на болгар и греков.

гиню и, не осмелившись остановить, накинул ей на плечи суконную свитку, дабы уберечь от потоков дождя.

Вскоре княгиня прибежала на Священный холм. Следом за нею появились все, кто толпился на теремном дворе. Здесь, у входа в капище, уже толпились многие горожане, ища спасения от бушующей грозы. Молнии то и дело освещали холм. В такие мгновения Ольга пыталась окинуть его взором. Она еще надеялась, что все, увиденное ею из опочивальни, есть явь и что ее князь на холме. Но тщетны были попытки, князя Игоря она не увидела. Зато при вспышке новой молнии она узрела колдуна Чура, стоящего у стены под крышей капища.

– Эй, стражи, – крикнула Ольга, – схватите того старика, что у стены!

Два воина-отрока быстро исполнили волю княгини и принесли Чура, поставили его близ княгини.

– Теперь позовите верховного жреца Богомила, – повелела Ольга другим воинам.

Вскоре воины принесли к Ольге и верховного жреца, потому как тот не хотел идти под ливень и сопротивлялся. Он был возмущен поступком княжеских отроков и, увидев княгиню Ольгу, потребовал:

– Накажи их, великая княгиня! Они оскорбили верховного жреца!

– Накажу после того, как ты принесешь в жертву Перуну сего колдуна, – заявила Ольга.

– В чем его вина, великая княгиня? – спросил Богомил.

– Это он наслал на город грозу. Еще его вина в том, что он оговорил ложью великого князя Игоря.

– Я поверю тебе, великая княгиня, но выслушаю старца, – ответил Богомил.

– Нет нужды! – воскликнула княгиня. – Он к тому же враг нашей веры. На костер его! На костер!

Чур передернул плечами – и отроки, державшие его, уронили руки словно плети. Он повернулся к Богомилу.

– Ты можешь бросить меня на костер, верховный жрец. Я помню: то же грозился сделать князь Олег. Не успел-таки. Но ты этого не сделаешь, узнав ту правду, какую я принес. Я пришел просить Ольгу, чтобы она спасла своего князя. Она же того не сделала. Смотри же, верховный! Смотрите все, что стало с князем Игорем, когда княгиня не остановила его от злого деяния! – Чур вскинул к небу руки и крикнул: – Эй, молнии и громы, явите все, что случилось на Древлянской земле!

И в сей же миг слева и справа от холма вспыхнули две молнии, излучив полуденный свет. Чур повел руки навстречу друг другу, и молнии стали сближаться, становясь все ярче. Наконец, когда руки колдуна соединились, слились воедино и молнии и возник сверкающий ослепительно шар. Чур повернул ладони к лицу и стал медленно приближать их. И огненный шар послушно полетел к Чуру. А впереди шара, в ярком свете, все увидели образ князя Игоря.

Княгиня Ольга задрожала, рванулась вперед и воскликнула:

– Мой бог Перун! Покоритель грозowych туч, я вижу князя Игоря! Он жив, он под твоим крылом!

Но вот шар опустился неподалеку на землю, заскользил вниз по склону холма к Днепру. Там, над рекой, княгиня Ольга увидела березы, шар долетел до них и взорвался. Когда же вспышка рассеялась, то все увидели стоящего среди берез князя Игоря и занесенный над ним меч. Меч сверкнул, и голова князя упала на землю.

– Так случилось все на Древлянской земле в полночь! – возгласил кудесник Чур.

Княгиню Ольгу в этот миг обдало жаром новой молнии, она закрыла руками глаза, зашаталась, упала и потеряла сознание. Чур прошел мимо нее и скрылся во тьме.

В себя княгиня Ольга пришла только в полдень другого дня. Гроза давно миновала. Светило неяркое осеннее солнце. Ольга открыла глаза и увидела сидящих близ себя двух стар-

цев-ворожеев. У того, что сидел поближе к ней, были ясные голубые глаза, и они светились добром и лаской.

– Вот и оклемалась наша матушка, – сказал он тихим голосом.

– Что со мной? Я была на холме. Что случилось в мире за посадами города? – спросила она старцев.

– Не серчай, матушка. Перунов гнев напрасно не приходит. Чему должно быть, то и есть.

– Так говорите же! – повелела Ольга.

– Не прогневайся, матушка княгиня, – ответил другой старец, потемнее ликом, – у нас нет тебе ответа. Ты услышишь его от очевидца. Он в пути и в сумерках явится на твоё подворье. Мы же свое исполнили, хвори отвели – к вечеру встанешь на ноги.

Старцы поднялись и медленно направились к двери. Ольга попыталась остановить их:

– Стойте! Я велю вам остаться!

Они не вняли ее повелению. В это время в опочивальню вошла боярыня Павла. Последние дни она была озабочена сборами в дальнюю дорогу, уже отпросилась у княгини: захотелось ей вернуться в родной Новгород, детей, сына Добрыню и доченьку Малушку, близким показать. Но все, что случилось в княжеских теремах минувшей ночью, заставило ее отказаться от поездки.

– Слышала я, ты хотела остановить старцев, – сказала Павла, – да нужды нет, матушка, они наших дел не ведают. Это знахари-ворожеи, кои лечат недуги.

– Но как они смели ослушаться?! – стояла на своем Ольга.

– Нет людской власти над ними. Вода их принесла и вода унесла. Только боги им господа. – Говоря так, Павла присела на ложе рядом с княгиней. Были Павла с Ольгой одного роду-племени. Мать Ольги, Секлетина, как и мать Павлы, Пелагея, выходили из рода новгородских бояр Никитичей.

– Но, Павла, они же ведают о всем, что случилось в Древлянской земле! – с болью в голосе воскликнула княгиня.

– Не ведают. Да и что там могло случиться у древлян, коль народ они тихий?

– Но я же видела Игоря в перуновом пламени. Он пал бездыханный!

– Он воин, матушка, потому всякое могло быть. – Павла обладала спокойствием и выдержкой истинной северянки. – На ратном поле погибают и князья.

– Волхвы сказали, что в Киев мчит гонец. Пошли навстречу ему воинов.

– Десятский Дамор уже в пути. – Павла взяла руку княгини и погладила ее. Она жалела княгиню. Прекрасное лицо Ольги за прошедшую ночь поблекло, глаза рассеянно блуждали.

– Я умру вместе с ним, не хочу быть сиротой-вдовицей, – сказала Ольга как о чем-то давно решенном.

– Стыдись, матушка. Ты не только жена, но еще великая княгиня. У тебя малолетний сын и еще тьма детей по всей Руси. Можно ли им без отца, без матушки?

Павла быстро поднялась, вышла из опочивальни и вскоре вернулась с трехлетним Святославом. Крепкий, подвижный малыш, с льняными волосами, сероглазый, стремглав подлетел к матери. И она помогла ему взобраться на ложе, прижала к груди. Материнское сердце то сжималось от нежности, то билось от волнения, от страха за его судьбу. Лаская сына, Ольга забыла все печали, и на нее волною накатилось прошлое.

Княгиня прожила в замужестве уже сорок два года, а наречена была князю Игорю в ранние отроческие годы ее дядей и воспитателем князя Игоря великим князем Олегом. Князь Олег хорошо знал королевские обычаи Норвегии, Швеции. Там наследникам престола искали достойную невесту еще в малолетнем возрасте. Девочек и отроков обручали, едва первым исполнялось пять лет. И когда после смерти отца Игоря, новгородского князя Рюрика, Олегу пришлось стать опекуном трехлетнего сына своего именитого родича, он вскоре же начал искать князю Игорю невесту. Но прошло пятнадцать лет, пока нашлась достойная. Это была

княжна Ольга, дочь Избора, сына князя Гостомысла. У девочки было два имени, славянское – Прекраса и варяжское – Ольга. Княжне было семь лет, когда князь Олег засватал ее. А спустя три года он приехал с молодым князем Игорем, и они увезли Прекрасу в Киев. То лето она проводила под Изборском, в имение родителей, деревне Выдубцы. Ольга хорошо помнила тот летний полуденный час. Князь Олег и князь Игорь появились перед ней на вороных конях в охотничьем снаряжении, с луками и колчанами стрел за спиной. Это была ее первая встреча с нареченным женихом. Но княжна знала, что этой встрече быть. И, несмотря на ее юный возраст, ни красота молодого князя, ни его возраст – Игорю шел двадцать четвертый год – ничто не смутило княжну. Она разговаривала с ним как равная с равным. Князь Игорь, вспоминая потом первую встречу, удивлялся тому, что увидел и открыл в Ольге. Она оказалась не по летам серьезна и разумна, знала грамоту и читала берестяные письма. Да было в ней и много озорного, а ее васильковые глаза смущали своим огнем и взрослых. Игорю показалось, что она похожа на лесную лань, легкую и быструю. Он был пленен ее еще отроческой красотой. Чувственные губы, белокипенные и ровные зубы, точеный нос, ямочки на щеках, когда улыбалась или смеялась, золотистая коса толщиной в руку, высокая шея – все в ней пленяло князя Игоря, и с первой встречи он полюбил Прекрасу.

Жил в ту пору в соседнем селении юный муж – сын изборского посадника семнадцатилетний Егор, он раскрыл бы князю Игорю еще больше достоинств княжны-отроковицы. Ан не суждено ему было открыться. Он любил Прекрасу, казалось, с той поры, когда она сделала по Изборской земле первые шаги, потому как в Изборске они жили рядом и много времени проводили вместе. Год за годом любовь Егора крепла, но мечта о том, чтобы Прекраса ответила ему взаимностью, с каждым годом улетала все дальше. Ольга знала о чувствах к ней Егорши, но, озорством обуреваемая, лишь смеялась над ним, ведая свое назначение. В тот год, когда князя Олег и Игорь увезли Прекрасу из Выдубцов, Егор покинул Изборскую землю и пропал неведомо где. Какое-то время Ольга помнила того добросердого юношу, но, окунувшись в великокняжескую жизнь, забыла о нем. А Егор, теперь уже волею судьбы священнослужитель Григорий, пронес свою любовь к Прекрасе через всю жизнь. И вскоре, так было угодно Господу Богу, должен был появиться пред нею и осветить ее жизнь неведомым ей ранее светом.

Юная Ольга приняла замужество и жизнь в великокняжеских теремах как должное. Однако еще шесть лет Ольга и Игорь лишь считались женой и мужем, но супружеского ложа не познали. Безоблачная жизнь Ольги затуманилась впервые, когда она в семнадцать лет родила девочку, а на седьмой неделе ее жизни боги отняли у молодой княгини дитя. Ребенок сторел от неведомой и скоротечной болезни за три дня. Ольга недолго предавалась тому первому горю. Да и князь Игорь не переживал потерю дочери, потому как в ту пору у них были другие печали. Ушел из жизни великий князь Олег. Игорь долго не мог утешиться. Он чтит князя Олега как отца. И преклонялся, как пред великим воином, не знавшим страха и не ведавшим упрека соратников.

Время излечило князя и княгиню от боли первых потерь. Князь Игорь встал на великокняжеский престол, и заботы о подданных державы полностью овладели им, вытеснили все, что мешало радовать за великую Русь. Княгиня Ольга достойно встала рядом со своим супругом, и они заслужили любовь и уважение своего народа.

У Ольги были еще не одни роды. И каждый раз она ждала сына, а появлялись девочки, и ни одна из них не жила больше года, принося матери все новые страдания. Ольга многожды поднималась на Священный холм и вместе со жрецами просила у богов послать ей сына. Боги не внимали ее мольбам. Шли годы, и она оставалась бездетной. И прошло тридцать девять лет супружеской жизни, когда она наконец родила сына. Тогда многие сошлись во мнении, что свершилось чудо. Княгиня Ольга сказала бы по-другому: чудо свершилось благодаря помощи боярыни Павлы. Рождение сына изменило князя Игоря. Он помолодел лет на десять, и радость его была безмерной. Вместе с ним ликовали и киевляне. Лишь княгиня Ольга жила в страхе

за жизнь сына. Но малыш рос необыкновенно здоровым, и на третьем году жизни сына она уверовала в то, что великокняжеский престол не останется без наследника рода Рюриковичей.

Княгине Ольге, казалось бы, только радоваться жизни. После родов сына, кто не знал ее, не дал бы ей и тридцати лет. К зениту жизни она сохранила все, чем обладали юные девы, молодые женщины. Оттого она и родила крепкого, с отменным здоровьем сына.

Перекаtywая, словно валуны, прошлое, княгиня Ольга ласкала Святослава. А он, непоседливый и озорной, словно молодой бычок бодал свою матушку лобастой головой и смеялся белозубым ртом, и ямочки играли на его пухлых щечках. И спряталась, отступила печаль о супруге, ночные страхи и видения, навеянные грозой и гневом Перуна, рассеялись. И Ольга смеялась вместе с сыном, и Павла, сидевшая рядом, ликовала. Вот княгиня Ольга поднялась с ложа и вместе с сыном стала бегать по опочивальне. Наконец они утомились, Ольга взяла сына на руки и подошла к окну.

Прошло всего несколько мгновений, и на виду у Павлы лицо княгини стало бледнеть и сделалось бледнее полотна. Ольга увидела, как по теремному двору от ворот, выходящих на древлянскую дорогу, бегут отроки и ведут на поводу коня, к седлу которого привязан всадник, опутанный сыромятными ремнями.

На землю опускались сумерки, волхвы сказали правду: из Древлянской земли явился гонец. И можно было догадаться, почему он по рукам и ногам связан, опутан ремнями: не по своей воле появился на княжеском дворе, но отправлен врагами.

Глава вторая

Час небытия

В стольном граде в эти дни осени 945 года многие будут плакать, потому как гонец, коего привели на теремной двор, принес горестную весть. Княгиня Ольга, еще не встретившись с гонцом, уже знала, что ее постигло большое несчастье, она стояла у окна и по-бабьи рыдала. А проливая слезы, под давлением неведомой ей силы и во благо вновь окунулась в прошлое, и оно захлестнуло ее, заставило забыть окружающий мир и, как она сама потом признается, спасло ей жизнь.

Молодая держава Русь еще мало знала князей, кои правили ею. Были на Киевской земле вожди племени полян братья Кий, Щек и Хорив. Да сгинули без времени, оставив полян без вождей. Потом пришли к Киеву торговые люди, варяги Аскольд и Дир. И поляне отдали им власть над собой. Но русского государства еще не было. Только племена заселяли великое пространство от Белого до Черного морей. И пришел к Киеву шурин князя новгородского Рюрика, князь усманский Олег. Войска при нем было немного, да хитрому Олегу оно и не нужно. Позвал Олег Аскольда и Дира на берег Днепра и сказал:

– Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского. И со мною сын великого князя Рюрика – Новгородского. Нам и править Русью!

Аскольд и Дир не уступили своей власти пришельцам и обнажили мечи. Но за спиной у вождей полян не было дружины, лишь небольшой отряд воинов. И схватка завершилась скоро. Князь Олег велел похоронить вождей с почестями. Аскольду нашли Угорский холм, где ко времени Игоря поднялся Ольмин двор. Тот же Ольга поставил рядом с могилой Аскольда храм Святого Николы. Дира же похоронили на другом холме, и возле его могилы ко времени Ольги поднялась церковь Святой Орины. Сказывали, что Аскольд и Дир были христианами.

И сел князь Олег на престол в Киеве. Собрал воевод, бояр и простых горожан, сказал им:

– Се буди мати градом Русским: и беша у него Варязи и Словени, и прочи прозвашася Русью.

Так и было: стал Киев матерью городам русским. И пошла со времен Олеговых великая держава, кою называли Русью. И кому, как не Ольге, было все это знать. Она воочию видела, возрастая в Киеве, какой силы набиралась Русь при князе Олеге. Даже царь могучей Византии Леон⁵ сказал Олегу, когда его воины подошли к Царьграду: «Не губи мои города, дадим тебе дань, какой захочешь». И повелел князь Олег царю Леону выплатить русичам дань по двенадцать гривен золотом на воина. Было же у Олега две тысячи судов, а на каждом судне по сорок воинов.

Олег прибил свой щит к воротам Царьграда и вернулся в Киев под греческими парусами из паволок, и привез горы золота, множество тюков шелка, без счету бочек заморского вина и корзин фруктов.

Тридцать три года стоял князь Олег на престоле Киевской Руси. Последние десять лет жизни Олега княгиня Ольга, уже супруга князя Игоря, жила в великокняжеских палатах и восхищалась достойными делами сего правителя, коего в народе звали вестим Олегом.

Князь Игорь взошел на великокняжеский престол в менее благополучное время. Едва он и его молодая жена освоились с новым положением, как в Древлянской земле вспыхнул бунт. Не захотел древлянский князь Мал подчиняться Киеву, но искал свободы. Смерть Олега послужила сигналом для древлян и побудила к непокорству. Но князь Игорь оказался достойным наследником престола и крепко держал в руках Олегов меч. Ольга проводила мужа в

⁵ **Леон** – имеется в виду Лев VI (866–912), правивший с 870 г.

первый военный поход с легким сердцем. Она верила в князя Игоря, в его воевод и в большую княжескую дружину. И не ошиблась. Бунт древлян был погашен скоро. Да и было отчего торопиться, потому как к пределам Киевской Руси приближались орды печенегов – сильных и коварных врагов, страшных дерзостью, жестокостью и жадой грабежей.

Усмирив древлян, князь Игорь, помня пример князя Олега, не ждал врага, а искал его. Он выступил навстречу печенегам. Рать русичей устрасила кочевников, и они бежали, забыв, что намеревались разорить Киев. В том походе вместе с князем Игорем находилась и Ольга. И она посоветовала мужу гнать врага, пока он не запросит мира. Игорь так и поступил, преследовал печенегов, не давая им отдыха. И они запросили мира, и был заключен договор.

Но мир оказался непрочным. Изгнанные из пределов Руси печенеги обосновались в просторных степях между Днестром и Днепром. Становища кочевников находились близ рубежей Руси, и конские табуны печенегов паслись на ее тучных лугах. Каждый день степняки могли вторгнуться в пределы державы русичей. И к тому побуждали их византийские государи. В Царьграде еще не выветрилось из памяти нашествие русичей князя Олега, когда они подняли из моря свои суда, поставили их на колеса и под парусами двинулись к Константинополю. Такого еще не бывало на Византийской земле, и оно и не забывается.

После пяти лет мирной жизни печенеги нарушили договор и более чем сотысячной ордой вторглись в пределы Руси. Но эти пять лет не прошли даром и для русичей. Дружина князя Игоря приросла воинами. Под строгим оком воевод русичи много занимались военным искусством, и когда в Киеве прозвучал боевой клич, большая княжеская дружина, а с нею малые дружины многих русских городов двинулись правобережьем Днепра навстречу врагу. Скорым маршем войско достигло порубежных рек Десны и Остера и там встретило печенежские орды.

Увидев русскую рать, печенеги повели себя осторожно. И тревожили ратников Игоря лишь быстрыми налетами. И все-таки князь Игорь сумел навязать печенегам битву. Прижав их к реке Остер, вынудил защищаться. Два дня длилась сеча. Немало воинов полегло с той и другой стороны, но русичи одолели орду и выгнали остатки ее со своей земли.

Это нашествие печенегов, как помнила Ольга, случилось на восемнадцатом году ее супружеской жизни. А после долгие двадцать лет Русь пребывала в благоденствии и мирно уживалась с печенегами. Княжение Игоря в эти годы было отмечено лишь внутренним устройством державы. Князь Игорь и княгиня Ольга год за годом объезжали ее города, селения на всем великом пространстве, утверждая свою власть. В один из первых же походов они посетили Новгород, Псков и родной для Ольги Изборск, погостили у ее родителей. В разные годы они побывали на Белозере, в Ростове, в Муроме, в Турово, в Тмутаракани и многих других больших и малых городах. И каждый раз Ольге казалось, что их держава бесконечно велика и богата. В каждой земле – у вятичей, у кривичей, у мери и чуди, у полян и древлян и многих других народов – имелись богатые лесные и речные угодья. Все народы Руси занимались хлебопашеством. Русичи не знали скудного житья. Они исправно платили дань князю и делали богатые приношения своим богам, кто Перуну, признавая в нем верховного мироправителя, кто Волосу, покровителю стад, кто Ладо, богу веселья. Сама же Ольга преклонялась превыше всего перед богом Колядой, властителем торжеств и мирной жизни.

Случалось, Ольга видела селения, где жили нерадивые язычники. Их боги-идолища были неухожены, жертвенные огни не горели, капища не имелось, жрецов при богам там не держали. И тогда княгиня строго наказывала посадников, старейшина и тиунов. Доставалось от нее и верховному жрецу Богомилу. Ольга усердно добивалась исполнения обрядов языческой веры, сама была ревностной идолопоклонницей. В Киеве она построила новое просторное капище, приставила к богам усердных жрецов, следила, чтобы не угасал жертвенный огонь и чтобы приношения богам не оскудевали. В эти мирные годы Ольга была терпима и к христианской религии. В Киеве при ней возродилась христианская община, кою в Олегово время разогнали,

а храмы разрушили. Вещий Олег в последние годы жизни не терпел христиан. Ольга, в отличие от своего именитого дяди, не мешала им отправлять свои обряды, возводить храмы. И к этому времени в Киеве была построена деревянная соборная церковь Святого Илии. Торговым гостям Ольга разрешала привозить из Царьграда неведомые язычникам иконы, и они украшали храмы. Случалось, что Ольгу влекло войти в христианскую церковь. Желание наплывало как утоление жажды в знойный день. Но Ольга воздерживалась от желания, считала сие недостойным истинной идолопоклонницы.

Время покоя и мирного обустройства державы прервалось для Ольги неожиданно. Однажды, уже по весне, вернувшись из полюдья, князь Игорь посетовал:

– Худо мне. Сижу на великокняжеском троне уже тридцать лет, а до Олеговой славы не поднялся. Что скажут внуки?

Шел 941 год, и до появления сына Святослава оставалось еще больше года.

– Полно, князь-батюшка, горевать. Ты достоин славы Рюриковичей, и это ведомо всем.

– Матушка княгиня, ты добра ко мне, и потому я для тебя герой. Я же хочу подняться до Олеговой славы. Потому иду по большой воде на Царьград, дабы проучить византийских царей за коварные происки. Они вновь натравливают на нас печенегов.

Ольга не перечила Игорю. Вскоре же князь начал готовиться в поход. На Днепре против Киева он собрал со всей Руси суда, счетом почти десять тысяч. В Киев каждый день прибывали ратники на челнах, на ладьях. Флот на Днепре прирастал быстро. И пришел час, когда можно было отправляться в путь. Могучая река еще не вошла в свои берега, и в эту пору было всего безопаснее миновать днепровские пороги. И тысячи судов князя Игоря, больше ста тысяч воинов прошли скалистый Днепр благополучно. А дальше все пошло плохо.

Болгария в ту пору была союзницей Византии, и ее лазутчики донесли грекам весть о том, что на них идет несметная рать русичей. Игорь, однако, успел привести свой флот на берега Боспора, и воины его разорили и опустошили Вифинию и Пафлагонию, сожгли многие селения, храмы, монастыри, повергли в ужас десятки тысяч мирных греков.

Но к месту высадки русичей подошел наконец флот императора Романа Лакапина⁶, которым командовал умелый флотоводец Феофан Протогастарий. И не успели вернувшиеся с берега воины Игоря подготовить суда к бою, как на них низверглась лавина греческого огня⁷. Десятки судов русичей загорелись, как костры из сухого валежника. Многие воины сгорели в огне, многие утонули в море. Прочие же, повергнутые в панический ужас, бежали на уцелевших судах к берегам Малой Азии. Там, едва высадившись на берег, русичи вынуждены были вступить в неравный бой с отборной пехотой и конницей Патрикия Варды и с азиатским войском Доместина Иоанна. Спаслась дружина Игоря от полного уничтожения только потому, что враг не отрезал ей пути к судам. Снявшись с якорей, русичи вышли в море, там сразились с двадцатью греческими судами, разметали их и ушли к фракийским берегам.

Князь Игорь долго не мог прийти в себя от неудачного похода в Византию, покрывшего, как он считал, позором его имя. Но княгиня Ольга рассудила более мудро:

– Нет на тебе вины, князь-батюшка. Разве ты знал, что тебя предадут бывшие друзья, разве тебе было ведомо, что греки владеют сатанинским огнем?

– Все так, матушка княгиня. Но я бежал, вместо того, чтобы лечь костыми на поле брани.

– Ты под властью мироправителя. Он сохранил тебе жизнь потому, что призывает к отмщению коварным ромеям.

Ободренный словами любимой Ольги, Игорь и впрямь вознамерился отомстить за свое поражение императору Византии. На сей раз он собирался неспешно и умело. Против грече-

⁶ Роман I Лакапин (?–948), правил в 920–945 гг., свергнут сыновьями и насильственно пострижен в монахи.

⁷ Греческий огонь – легковоспламеняющаяся липкая горячая смесь на основе нефти, широко использовавшаяся византийцами в военном деле.

ского огня русичи готовили кошмы, песок. Князь Игорь был деятелен и торжествен. К этому времени его верная супруга разрешилась от бремени и родила сына. Настроение князя Игоря передалось всей дружине. Воины рвались в битву. Великий князь собрал многотысячное войско в державе, призвал варяжские дружины из Скандинавии, нанял орду печенегов. И спустя два года после первого похода он повел флот и конницу на Царьград.

Болгарские лазутчики вновь донесли своему царю о движении войск и флота русичей. Царь поспешил уведомить императора Романа. Но на сей раз вести от болгар не вдохновили императора, а повергли в уныние. Византию будоражили внутренние распри, и он понял, что на сей раз его войску и флоту не одолеть русичей. Даже на устрашающий греческий огонь император не возлагал больших надежд.

Армада судов Игоря еще не достигла устья Дуная, а навстречу ему показались два греческих судна, на мачтах которых развевались белые флаги. То двигались посольские суда. Вскоре они остановились близ княжеской ладьи. Суда сошлись, и послы Византии объявили через своего толмача о том, что император Роман Лакапин просит у князя россос мира.

– Наш царь готов заплатить вам дань, равную той, какую платили великому князю Олегу, – сказал князю Игорю старший посол.

Великий князь задумался: заманчиво принять сие предложение. Но посмотрел на своих главных воевод, Асмуда и Свенельда.

– Говорите, как думаете, – предложил он им.

Воевода Свенельд, молодой и сильный воин с холодными синими глазами, рвался в битву. Жажда добычи и воинской славы довлела в нем над всеми другими чувствами.

– Нет нужды возвращаться домой с полпути, великий князь. В Царьграде мы возьмем добра больше, нежели даст царь Роман.

Воевода Асмуд был уже в годах и не хотел больше воевать. Он возразил Свенельду:

– Два года назад мы тоже думали набить кормовые каморы да засеки узорочьем и паволоками. Чем кончилось, сам знаешь...

– Ноне мы другие и греческим огнем нас не испугаешь. Моченую кошму на грудь и – вперед! Тебе же на покой пора и незнамо с чего пошел с нами, – ярился Свенельд.

– Вижу, что без дружины не обойтись. Ее слово – последнее, – решил князь Игорь. И повелел сплотиться судам. Когда сотни судов подошли на веслах к княжеской ладье, Игорь сказал: – Вот вы видите греческих послов. Их царь ищет мира с нами, и они говорят об этом. Еще царь Роман будет платить нам дань, равную той, какую получал великий князь Олег и его воины. Говорите, о чем думаете. Так и будет, как скажете.

Воины заволновались, зашумели все разом, да увидел князь, как через борта судов пробирается к его ладье старейший из ратников, коего Игорь помнил еще по Олеговым походам.

– Вижу тебя, Улеб Володислав. Поднимись на ладью и говори.

Улеб поднялся на ладью князя, встал у дружины на виду.

– Слушайте все! Был я в том Олеговом походе на Царьград! Славно мы воевали греков, добычи много взяли. Да тьму русичей оставили под стенами града и на полях ромейской земли. Но когда царь без войны дает нам серебро и золото, то чего больше можем взыскать? Ведомо ли кому, кто одолеет. Мы ли? Он ли? И с морем кто советен?

– Верно говорит Улеб: смерть красна не бывает! – крикнул кто-то из отроков.

И дружина подхватила:

– Согласны с Улебом! Согласны!

– Тому и быть! – утвердил волю дружины князь Игорь.

И сказано было грекам, чтобы, не мешкая, присылали дань, пока войско не подошло к Царьграду. Послы умчались, словно на крыльях улетели, а через два дня пришли новые греческие суда, и русичи приняли от греков больше ста пудов золота и серебра столько же. И было

написано соглашение русского князя с послами о заключении мира между двумя великими державами.

Ровно через год император Роман прислал в Киев большое посольство. Великого князя Игоря в те дни не было в Киеве, и заключение мирного договора вела великая княгиня Ольга. Она же отправилась в Царьград с русским посольством.

Император Роман встретил княгиню Ольгу с большими почестями. Он знал, что принимает посланницу мощного молодого государства. Заключение мирного договора сопровождалось пышными торжествами. И на них княгиню Ольгу окружили самым теплым вниманием и восхищением. Сама же Ольга была озабочена не тем, чтобы получить побольше удовольствий, пребывая в гостях, а чтобы привезти в Киев договор, в полной мере отражающий достоинство Руси как великого государства. Ольга дословно помнила договор князя Олега с греческими царями Леоном, Александром и Константином. Последние были братом и сыном первого. В том договоре Византия воздала Руси заслуженные почести, умалив свои достоинства. Так ли будет теперь, спрашивала себя Ольга. Только это и волновало великую княгиню.

Волнения архонты россос оказались напрасными. Договор полно отражал то, что хотела в нем видеть княгиня. Ольга не раз прочитала сей договор. «Мы от рода русского, послы и гости Игоревы...» Тут шло перечисление пятидесяти имен русских послов и в числе первых были имена княгини Ольги, ее сына Святослава, племянников Игоревых Улеба и Акуна. Далее же говорилось: «Мы, посланные от Игоря, Великого князя русского, от всякого княжения, от всех людей Русской земли, обновить ветхий мир с великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном, со всем Боярством и со всеми людьми Греческими вопреки Дьяволу, ненавистнику добра и враждолюбцу, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, крещеные и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имеют помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от собственных мечей и стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий».

Ольга не только помнила каждый пункт договора, каждое слово, но видела и лица, кои стояли за этим бесценным документом.

«Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостями и Послами. Гости, как установлено, носят печати серебряные, а Послы золотые; отныне же приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе извести о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними как угодно».

Договор предусматривал все, что касалось русских, посещающих Грецию. Было сказано в нем, где жить русским послам и гостям, чего требовать, и утверждалось: «Гости Русские будут охраняемы царским чиновником, который разбирает их ссоры с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 золотников (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою. Отправляясь из Царьграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у церкви Святой Мамы и да возвращаются с охранением».

Главу за главой перебирала Ольга в памяти договор и отмечала равноправие сторон. «Князь Русский да не присваивает себе власти над Херсонскою страной и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков, мы дадим ему, сколько будет надобно». Позже там русским приходилось воевать с хазарами и печенегами, и они управлялись без чужой помощи. «Ежели Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят через то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью». Ольга перебирала не все главы договора, но главные, как ей казалось. Суть

же самую важную всякий раз повторяла: «Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся хранить истину союза: Христиане в Соборной церкви Святого Илии предлежащим честным Крестом и сею хартиєю, а некрещеные полагая на землю щиты свои, обручи и мечи обнаженные».

В присутствии княгини Ольги император Византии клятвенно утвердил союз и отправил новых послов в Киев, дабы вручить князю Игорю хартию мира. Как прибыли они вместе с послами русскими, то на Священном холме близ Перуна было великое собрание киевлян и мужей всех чинов. Князь Игорь пред ликом Перуна торжественно обязался хранить дружбу с Византией. И в знак клятвы сложил к ногам мироправителя свое оружие, щит и золото. То же сделали воины его дружины. Клялись они оружием и золотом потому, что для язычников это были священные и самые дорогие реликвии.

С холма греческие послы отправились в Соборную церковь Святого Илии, где присягали на верность варяжские и русские христиане.

Воспоминания княгини Ольги оборвались. Она подошла к пределу, который не могла преодолеть минувшей ночью. Вновь она вспомнила слова древлянского колдуна Чура, и грозу, и лик князя Игоря в бликах молнии и пламени горящего дуба. Ольге стало дурно, она прилегла на ложе. Но в это время вместе с Павлой в опочивальню вошел воевода Асмуд и, поклонившись, сказал:

– Матушка княгиня, из Древлянской земли привели гонца, он опрошен в гриднице старейшинами, и тебя зовут, дабы услышала то, что тебе должно знать.

Княгиня Ольга встала с ложа, погладила по головке сына, коего Павла держала на руках, ответила:

– Я иду. Да пусть соберут в гридницу всех бояр, воевод, купцов, пусть позовут жреца Богомила. Я буду говорить с ними. – Ольга хотела, чтобы черную весть слышали все, имущие власть и силу. Еще она собиралась сказать свое. И знала, что это будут вещие слова.

Глава третья

Плач в Киеве

С той минуты, как гонец появился на древлянской дороге и его коня привели на теремной двор, и до того часу, как княгиню Ольгу позвали в гридницу, прошло немало времени. Хотя древляне наказали гонцу передать черную весть княгине Ольге с глаза на глаз, градские старцы сего не допустили. На теремном дворе гонца сняли с седла, распутали руки и отвели в гридницу, где бояре и воеводы потребовали прежде всего им открыть то, с чем он явился. Мудрые мужи сочли своим долгом защитить княгиню от первого удара, надеясь на то, что мужественная женщина легче перенесет горе, услышав о том от них, ее радетелей.

Но старый воин Улеб понял сие по-своему. Знал он, что гонцов с черной вестью государи нередко убивали. Что ж, такова судьба многих сеунчей. Улеб не боялся смерти, ему, старому воину, многожды приходилось сходить с нею в битвах. Еще в Древлянской земле он дал слово павшим от рук коварных злочинцев рассказать все в первую голову великой княгине. Ведь он оказался единственным очевидцем всего, что там случилось. Но умирать ему, однако, было нельзя, потому как останутся неотомщенными его младшие братья и многие сродники, кои служили в дружине князя. И вот Улеб стоит перед воеводами и боярами, упрямо замкнув рот. Он все-таки решился явиться перед великой княгиней и все ей поведать. Они же уговаривали его, просили, требовали, угрожали, за грудь хватили – и все с одним: расскажи, что случилось в Древлянской земле.

А в гридницу валом ломились горожанки. Ведь там, в Древлянской земле, вместе с князем Игорем были многие сотни воинов. И теперь их жены, матери, сестры – все скопом взывали к Улебу, дабы он раскрыл роковую тайну.

– Улебушка, сват, аль забыл Маланьюшку, кою просватал за своего племяша киянина. Что с моим голубем Владом? – кричала заплаканная молодайка.

Этот крик словно разбудил Улеба. Он вскинул голову и увидел слезы не только на лице Малании, но и на лицах многих женщин, теперь уже вдов и сирот. И дрогнуло сердце старого воина, подумал он: «Что там горе великой княгини, ежели вдвое горе тем, кто потерял семьюшку, батюшку-кормильца». И торопливо, словно боясь, что не успеет сказать о всем, чему был очевидцем, крикнул:

– Слушайте, сердешные, никому живота не оставили, кто был при князе Игоре на Древлянской земле! Всех порубили злодеи древляне! Всех! Меня лишь пощадили, дабы донес до вас черную весть! Тяжкий жребий я исполнил, теперь же судите меня судьей и приставом. Голову кладу на камень! – И Улеб замолчал, склонил голову на грудь и заплакал.

В гриднице несколько мгновений стояла тишина. И кто-то из бояр успел спросить:

– А батюшка князь, что с ним?

– И он сложил голову, – совсем тихо ответил Улеб.

И гридница взорвалась, загудела, заголосила. Кто-то еще пуще заплакал, кто-то слал древлянам угрозы. Женщины с рыданиями вскидывали руки, рвали на себе волосы. Плакали старики, бывалые воеводы, жестокосердые бояре и даже молодые воины.

Черная весть, словно степной стервятник, вылетела из гридницы и полетела над теремным двором, над улицами и площадями Клева, и вскоре все горожане знали о том, какое горе к ним пришло. И побежали к княжеским теремам сотни новых горожан, дабы убедиться в подлинности прихлынувшей беды. Смятение охватило весь Киев. Знали же многие о том, что несколько дней назад дружина Игоря, ходившая в полюдье на Древлянскую землю, разделась на две части. Горожанам было ведомо, что большая часть во главе с воеводой Малком

ушла за данью к смолянам. И теперь всем горожанам оставалось лишь гадать, чьи мужья, отцы, сыновья и братья ушли с Малком, а кто остался при князе Игоре.

Помня об этом, воевода Посвист попытался успокоить тех, кто толпился, плакал и вопил близ гридницы.

– Утихомирьтесь, жены и матери! Еще никому не ведомо, кто из вас осиротел, кто потерял отца-батюшку, а кто семейшку! – Голос его звучал мощно, и на княжеском дворе стало тише.

Как только плач и стенания затихли, отроки и гридни вытеснили горожанок из залы, потому как на теремном дворе собрались многие вельможи, которых созвали сеунчи по повелению великой княгини. Им, кто был мудр и умен, надлежало решить судьбу древлян. Им, градским старцам, воеводам, боярам, княжим мужам, было ведомо, в какой раз древляне поднимаются бунтом против великокняжеской власти, против своего законного государя. В палате было шумно, все уже забыли о гонце Улебе, все угрожали злочинцам. Лишь градские старцы помалкивали. Наделенные мудростью и знанием великокняжеской жизни, образом правления державой, они искали первопричину бунта древлян. Им было ведомо, что древляне издавна славились добрым нравом, чтили своих властителей, будь то великие князья всея Руси, или свои, искоростенские. Да была в этом одна странность: бунты древлян венчали начало и конец великокняжеского правления Игоря. Что тому причиной – вот задача, кою должно было разрешить старейшинам Киевской Руси. Наконец-то в гриднице появилась великая княгиня Ольга. Она была бледна, но спокойна и величава. Глаза ее сухо поблескивали. Все, что ей суждено было пережить, еще будет пережито. Теперь же, перед лицом своих подданных, ей надлежало оставаться уравновешенной и любящей матерью своих детей. Умудренные жизнью вельможи только удивились силе воли и выдержке этой загадочной славянки. С высоты княжеского помоста она осмотрела зал, заглянула в лица вельмож и остановила свой взор на Улебе Владиславе, который стоял в окружении княжеских телохранителей.

– Зачем вы его держите? – строго спросила княгиня. Отроки отошли от гонца, и Ольга позвала его: – Улеб, подойди ко мне.

Склонив голову, воин поднялся на помост, опустился на колени и застыл. Ольга же велела ему подняться, тронув за плечо. Он встал.

– Говори все, с чем прислан и чему был очевидцем на Древлянской земле. Имя назови, кто первым руку поднял на князя, на дружину.

– Говорю, матушка княгиня. По воле божьей Перуновой мне не дано было пасть с братьями моими, я был схвачен в дозоре. Связав, да кляп воткнув, повели к стану, где князь и воины почивали. Там шла резня, потом стало тихо. Ко мне подошел князь Мал и сказал: «Отправьте его в Киев. Тебе же, воин, наказываю передать великой княгине, что в наше стадо пришел волк и мы его убили», – с тем князь Мал и ушел. – Улеб склонил голову и замолчал, по измученному лицу его текли слезы.

И княгиня Ольга молчала. Она стала еще бледнее, и глаза ее затуманились от слез. И все, кто был в гриднице, молчали, и многие вельможи прослезились. И никто не осмеливался нарушить тишину. И долго бы молчали киевляне, оплакивая смерть своего князя, да пора было узнать причины его гибели. И Ольга, одолев слабость, повелела:

– Говори все, как ведаешь, с того часу, когда вступили на Древлянскую землю.

Улеб выпрямился, плечами повел, пытаясь расправить их, и тихо начал печальную повесть о гибели князя Игоря и его дружины.

– Как и в прежние годы, мы пришли в Древлянскую землю с миром. Дань, кою платили древляне, взималась по совести. И древляне знали, за что платят дань: их оберегали от набегов кочевых и хищных племен и потому они жили в покое. И на сей раз мы объехали Древлянскую землю и взяли свое по праву, но не больше. Исполнив государево дело, мы вышли на дорогу, ведущую к смолянам. Великий князь Игорь был доволен древлянами и лишнего с них

не потребовал. Но в пути по Древлянской земле в дружине возник ропот. Те воины, да больше из варягов, кои в прошлые полюдья ходили с воеводой Свенельдом, сплотились и подступили к великому князю с обидой. И слово сказал варяг Фарлоф-старший. «Ты, великий князь, добр к своим данникам, – начал он, – и берешь с них мехов, узорочья, мечей, седел, меда и воска мало. Потому мы, твои отроки и гридни, босы и наги, потому в обиде и нищете». «Полно, Фарлоф, – ответил князь, – не вижу, чтобы ты был бос и наг: сапоги яловые на тебе, кафтан болгарского сукна. Но что ты хочешь, говори?» – «Зачем упрекаешь меня, князь. Не я один, но все мы хотим быть как воины Свенельда. Они, ходя за данью, богаты оружием и всякою одеждою, они вольно берут у данников все, что им мило. Потому и мы просим тебя, князь, по справедливости быть с нами. Да и себя не обходи». – «Как сие сделать, не знаю», – ответил князь. Фарлоф-старший посмотрел на своего младшего брата и велел ему: «Говори ты. Я же свое сказал».

И перед великим князем выступил Фарлоф-младший, богатырь телом, да злочинец духом.

«Говорю тебе, великий князь, от имени моих соратников: веди нас в Искоростень, и когда мы возьмем все, что нам нужно, и девы древлянские будут наши, тогда мы воздадим тебе честь. Все по справедливости, потому как у нас жизнь коротка...»

– За двумя братьями, за их сродниками стояли еще почти пятьсот воинов, коим речи Фарлофов были милы, – продолжал повесть Улеб. – Все они прежде ходили со Свенельдом за поборами и брали в два, в три раза больше сверх меры. Сетовал великий князь на то и с нами делился досадой. Да не осудил в свое время знатного, но алчного воеводу Свенельда. А на сей раз попытался увещевать жадных варягов. «Ведомо мне, что в Киеве и в других городах и местах у вас, Свенельдовых земляков, много добычи спрятано. Зачем же зариться на чужое без меры? А у кого нечего обусть-одеть, придите ко мне на теремной двор, поделюсь своим. Я стар, и мне мало чего надо».

«Нет, князь, – настаивал Фарлоф-младший, – ты утешь нас ноне, пока от Искоростеня далеко не ушли. Нам не токмо добро нужно, но и утехи ждем. И тебе от того худо не будет».

Улеб помолчал, обдумывая, как вернее сказать. Знал старый воин, что князь устал от походов, от жизни, шел ему шестьдесят девятый год. Потому, считал Улеб, и оказался сговорчив.

– И тогда сказал великий князь Фарлофу-младшему и всем, кто стоял за его спиной: «Идите моим именем и возьмите еще одну дань в прок будущего года». – «Нет, государь, – возразил Фарлоф-старший, – без тебя мы сию дань не получим. Идем с нами. Не вести же тебя». И было далее так: великий князь возвысил голос и сказал дружине: «Все, кто жаждой не мается, идите в другие земли собирать государеву дань. И поведет вас воевода Малк. Иншие останутся со мной, пойдут к древлянам!»

– Как сказал свое великий князь, так дружина раздвоилась и большая часть ушла за Малком. Меньшая же с личной сотней князя повернула на Искоростень. Я не жаждал добра, но остался среди злоумышленников, потому как сердце вещало беду. Мы прошли к Искоростеню через два селения и всюду варяги брали у древлян все, что хотели. Князь Игорь гневался, запрещал вольничать, но жаждущие чужого добра и утехи будто обезумели. Так, очумелой ордой, мы пришли к городу. Были уже сумерки, и Фарлоф-младший потребовал именем великого князя открыть ворота. Древляне отказались пустить воинов в город, велели ждать утра. Варяги же пошли зорить селение близ города, там насильничали, убивали. Сие стало ведомо князю Малу, и поздним вечером в наш стан пришли от князя послы и сказали: «Ты, великий князь, отец наш, потому должен печься о нас, но не разорять. Мы тебе отдали дань сполна. Теперь же у нас в домах только стены остались. Потому просим: уходи в Киев». – «Утром разберемся, – ответил князь Игорь, – а пока идите к себе и готовьте дань за будущий год». –

«Слышали, великий князь, сказанное тобой, да не жди от нас добра». С тем они и ушли. А пока добрались до городских ворот, лихие варяги раздели их, оставили лишь в исподнем.

– На другое утро тот же посол, именем боярин Клим, сказал мне, уже скрученному по рукам: «Мы как пришли от корыстолюбивого князя Игоря, все рассказали, стеная, нашему князю Малу. Он же спросил, стоя перед нами, нагими и босыми: «Что делать с волком, коему удалось ворваться в хлев, где стадо овец?» Мы же ему ответили: «Ежели не убьем волка, он все стадо порежет».

– Ночью все было так. Я сидел в дозоре, прячась в яме, смотрел за городскими воротами. Они не открывались. Но сзади ко мне подобралась древлянские воины. Я и крикнуть не успел, как скрутили меня, в рот кляпушку воткнули и унесли к воротам, кои в сей же миг открылись и из них валом повалила древлянская дружина, а впереди шел сам князь Мал. Не успел я и десяти раз вздохнуть-выдохнуть, как в нашем стане началась резня и стоны до меня доносились. Да я ничего из того уже не видел.

Утром же меня привели на место побоища в рощу и все показали. Видел я и могилу, кою копали для великого князя. Всю рощу устлали воины великого князя, а наши кони мирно паслись на лугу.

Голос Улеба прервался, он заплакал, слезы потекли по щекам, по бороде, но он закончил печальную боль.

– Мне сказали: «Теперь ты все видел, поедешь в Киев и там расскажешь великой княгине Ольге, как мы поступили с волками». Древляне спросили меня, где мой конь, но я молил их, дабы они лишили меня живота, я бился, лез на мечи. Они же еще туже скрутили руки, поймали коня, посадили в седло и повели за пределы своей земли. И вот я здесь и все поведал, теперь прошу милости: убейте меня! Убейте же! И положите на жертвенный огонь! – И Улеб упал на колени.

О нем, однако, сей же миг забыли. Но позже все-таки вспомнят и наградят тем, что просил.

Все взоры были обращены на великую княгиню. Она не плакала, но была похожа на рыбу, кою вытащили из воды и оглушили. Все, что окружало ее, слилось в огромную серую пелену, лишь в середине которой светились два ярких пятна – глаза ее мужа, великого князя Игоря, чистые и теплые, как просини в небе в зените лета. Она стояла и покачивалась из стороны в сторону. А в гриднице зашумели, заговорили все разом, воины хватались за оружие, грозили древлянам сровнять их жилища с землей, уничтожить все племя под корень.

Княгиня Ольга ничего этого не видела, не слышала гула голосов. Оставаясь в оглушенном состоянии, она оперлась на руку боярыни Павлы и покинула гридницу. На теремном дворе княгиню ожидало новое потрясение: плакали по убиенным сотни россиянок. Им вторили тысячи других, заповнивших площадь перед княжескими теремами. Отовсюду до Ольги долетали крики: «Горе нам, горе! Где наши семеюшки, где батюшки, где братья? Горе нам, горе!» Слышались и мужские голоса, они были надрывны и утрашающие: «Крови! Крови! Руды!!»

Княгиня Ольга не находила слов что-либо ответить киевлянам. И она медленно двинулась к красному крыльцу палат. Но не успела дойти до него, как к ней подошел верховный жрец Богомил – лет сорока, с сухим и гордым лицом, с черными колючими глазами и носом, подобным клюву хищной птицы. Он тронул Ольгу за руку и в силу привычки властным голосом сказал:

– Перунов раб и твой слуга, великая княгиня, зовет тебя на Священный холм. Идем же, дочь моя, и ты очистишься от печали, наполнишься силой мщения. – Княгиня Ольга в сомнении остановилась, но жесткий голос жреца заставил ее одолеть слабость: – Не гневи мироправителя, супруга убиенного, иди за мной!

Ольга лишь молча кивнула головой и пошла следом за Богомилом. Ее сопровождали Павла и несколько гридней-телохранителей. А следом двинулась толпа киевлянок. Богомил

приостановился и, придерживая княгиню за локоть, о чем-то тихо заговорил. Ольга отвечала лишь изредка. Их беседу заглушали крики горожан: «Смерть древлянам! Руды! Руды!»

На Священном холме жажда крови зародилась и в великой княгине. Ольга сразу и не поняла, что такое в груди у нее загорелось. Но сильный ветер с Древлянской земли, оттуда, где убили ее супруга, отрезвил ее, она учуяла запах крови, и в ней пробудилось нечто нечеловеческое. На Священном холме к приходу Ольги зарезали быка, она даже услышала его предсмертные рев и стоны. Пылал огромный костер, и жрецы разрубали быка на части и бросали их на огонь. Запахло горелым мясом. Княгиня Ольга увидела, как жрецы исполняют жертвенный обряд, и сама невольно включилась в него. Пламя в груди Ольги разгоралось все сильнее, казалось, оно слилось с жертвенным огнем, и княгиня дала волю бушующей страсти, повелела Богомилу привести на жадный огонь жертву ее именем. Это повеление Богомил передал молодым жрецам, и они, ретивые исполнители Богомилова слова, бросили жребий, кому из русичей войти в Перуново капище и там сложить свою голову на жертвенном камне. Жребий пал на Улеба. Да по-иному и быть не могло, потому как верховный жрец еще в гриднице во время исповеди отметил его особым знаком и сказал о том своему услужителю.

Близко к полуночи в избу Улеба на Подоле пришли четверо сильных, словно воины, жрецов. Улеб сидел у опустевшего жбана с медовухой и остался равнодушным к тому, что его подняли из-за стола, накинули кафтан и увели на Священный холм. Следом за ним, покорно, как и должно поступить истинной язычнице, покинула избу жена Улеба, Харита. В полночь же, в присутствии княгини Ольги, которая лишь сказала старому воину: «Ты прости меня, Улеб, тому должно так быть», – его и Хариту умертвили сыромятными удавками, положили на жертвенный камень и пустили кинжалами на пламя жертвенную кровь.

Перун, освещенный красным пламенем, не проявил никаких признаков торжества или благодарности за принесенные ему жертвы. Княгиня-язычница поняла недовольство своего бога. Ему нужны были новые и обильные приношения. Ольга холодно и без душевного волнения подумала: «Мой бог, я устелю дорогу к тебе телами моих врагов». С тем и покинула Священный холм.

Глава четвертая

Отец Григорий

Недоволен оставался малым приношением Перуну и верховный жрец. Покинув капище с горящими на жертвеннике телами Улеба и Хариты, Богомил в сопровождении трех жрецов спустился на площадь к княжеским теремам. Там было ещелюдно. Язычники призывали к отмщению и проводили княгиню Ольгу от холма до княжеских теремов с криками: «Крови! Крови!» Она миновала горожан молча. Но появившийся в обезумевшей толпе Богомил нашел то, что искал, и подлил масла в пылающий костер:

– Дети Перуна, бога земли и небес! Он гневается на вас. Вы дали волю назареем, христовым скотам! Идите и снимите с них овечьи шкуры, приведите на жертвенный огонь! И вы увидите, что сие есть волки, а не овцы. Их происками и молитвами погибли ваши отцы, мужья и братья!

Богомил знал, что какую бы расправу ни учинил нынешней ночью народ над христианами, она не будет поставлена ему в вину. И призыв верховного жреца пал на благодатную почву. Жажда мщения проросла стремительно. Богомил вновь возвысил голос:

– Идите в жилища назареев, властвуйте в них именем бога Перуна! Лишайте живота всех, кого схватите!

И толпа с криками повалила в христианский квартал, в коем в эту ночь никто не спал. Христиане предчувствовали, что гнев и жажда мщения обрушатся в первую голову на них, и пребывали в страхе, помня разгул язычников, допущенный волею князя Олега. Тогда идоляне разрушили их храмы и беспощадно убили множество детей Христа, не щадя ни малых, ни старых.

Бог зла еще не докатил язычников до Соборной площади, близ которой жили христиане – варяги и славяне, но там уже возникла паника и все, кто мог бежать, спешили покинуть свои жилища, унести детей. Бежали все: женщины и мужчины, отроки и отроковицы. В домах оставались лишь немощные старики и старухи. Но среди христиан, не способных защитить себя и ближних, нашелся мужественный сын Божий. То был священник церкви Святого Илии отец Григорий.

Он появился в Киеве год назад, пришел из Царьграда вместе с греческими послами. А когда те посетили храм Святого Илии, Григорий отошел от них, встал рядом с протоиереем Михаилом, да так и остался в соборной церкви. Протоиерей Михаил, родом грек, знал Григория по Византии. Там они вместе служили в монастыре Святой Мамы. Отец Михаил высоко ценил священнослужителя из россос, знал, что он книжен, что истинный христианин и тверд в вере. Протоиерей Михаил, отслуживший в Киеве уже несколько лет, был рад появлению Григория. И год их совместной службы лишь укрепил душевные чувства отца Михаила. И теперь, когда пришел час испытаний, старый и немощный протоиерей возлагал все надежды на спасение от приближающейся к ним беды на священника Григория.

Вооружившись крестом и посохом из древа Святого Павла, Григорий в эту ночь стерег храм. И в окружении трех послушников и нескольких старцев не покидал паперти собора уже несколько часов. Когда же в храм стали сбегаться верующие, он распахнул пред ними врата их последнего убежища. И лишь только на площади перед храмом появилась толпа разъяренных язычников, он поднял над головой крест и двинулся навстречу толпе. Он шел и читал молитву:

– Да воскреснет Бог Иисус Христос, и расточатся враги Его. Яко исчезает дым да исчезнут; яко тает воск от лица огня... Таки да погибнут от лица Любящих Бога и знаменующихся крестным знаменем...

Григорий шел медленно, но твердо. Толпа язычников остановилась, замерла – ни криков, ни шорохов, ярость на лицах угасла. На них шел всего один человек, но, как показалось язычникам, наделенный силой всей их толпы. Над человеком в черном одеянии сиял неопалимый свет. Но язычников он опалил, они ослепли и, закрыв руками глаза, попятились, повергнутые в ужас.

А священник Григорий все шел и шел, за его спиной уже лежала пустынная площадь, посох его стучал о землю все сильнее, крест вознесся еще выше, сияние озарило всю улицу впереди и площадь за спиной Григория.

– Господи, огради меня силою Честного и Животворящего Твоего креста и сохрани меня от всякого зла, – продолжал Григорий читать молитву, преследуя идолов.

И толпа рассеялась по улицам и переулкам, ночь помогла язычникам спрятаться по амбарах и поветям. А перед отцом Григорием остался лишь один Перунов служитель, верховный жрец Богомил. Силою духа он не уступал Григорию, твердостью характера даже превосходил. Черные глаза его метали молнии. И они поражали тех, в кого Богомил целился. Сошлись две силы, но одна из них служила злу и вела позорных язычников убивать невинных, разорять их жилища, предавать огню все, что можно было сжечь, другая же сила несла добро и призывала людей к милосердию, к любви ближнего.

– Матерь Богородица, помилуй меня, грешного, в добродетели укрепи и соблюди меня, да никакая смерть не похитит меня неготового... – вознес молитву Григорий громче прежнего и положил крестное знамение на Богомила.

Тот же не выдержал сего удара и дрогнул, и закрыл лицо широким рукавом багряного плаща, и попятился, истомно взывая к своему идолу:

– Бог мой, Перун, порази молнией и громом отступника веры отцов! – Но Перун не внял мольбе Богомила, и тот, повернувшись, скрылся в темной улице.

На площади перед храмом воцарилась тишина, лишь старцы на паперти шуршали словами молитвы да славили святого отца Григория, крестом и посохом отразившего врагов христиан.

– Полно, полно вам, старцы, похвала во вред православному христианину, – остановил их священник Григорий и добавил: – Несите бдение с помощью Господа Бога, я же помолюсь с паствою. – Но в ризнице силы покинули его. Опустившись в греческое кресло, Григорий откинул голову на высокую спинку и закрыл глаза. Он сидел неподвижно и, казалось, уснул. Но нет, сон не шел к нему, хотя он и жаждал его. В тысячный раз, может быть, Григорий окунулся в прошлое, ворошил сено сорокалетней давности, да все не удавалось доворошить до конца и предать сей труд забвению.

В ту далекую пору, на заре десятого века, он, семнадцатилетний юноша, заболел любовью к соседке, десятилетней княжне Прекрасе. А точнее сказать, болезнь пристала к нему много раньше. И первое удивление своим горячим чувствам к прекрасной девочке он испытал, когда Прекрасе было пять лет. Жили они рядом в центре Изборска, и окна его дома, где он жил с родителями, смотрели на княжеские палаты, где росла будущая великая княгиня Ольга. В пятилетнем ребенке Егор распознал все, чему потом будут дивиться зрелые мужи, хотя бы раз увидевшие княжну, княгиню, славянку Прекрасу. Григорий никогда не пытался описать ее облик. У него не хватало слов выразить, какие у нее были глаза, то ласковые, то лукавые, то сердитые и даже гневные, но всегда прекрасные. Он не знал, с чем сравнить стать отроковицы, а позже – девы. В золотую косу Прекраса могла закутаться, как в беличью полость. И умна, рассудительна она была не по годам, озорна и игрива. Да книжна. Могла просиживать за берестяными грамотами целыми днями. До восьмилетнего возраста Прекрасы Егор часто встречался с нею, случалось, играли вместе на площади перед палатами. И вдруг отец строго-настрого запретил ему даже подходить к Прекрасе. Вскоре же князь Избор вовсе увез ее из города, спрятал в деревне. И случилось сие вслед за появлением из Киева великого князя

Олега. Узнал Егор в те дни, что отроковица Прекраса наречена в невесты сыну князя Рюрика Игорю. И чтобы сберечь ее от сглазу, от какого-либо девичьего урона, ее отвезли в деревню Выдубцы под присмотр двух сестер князя Игоря и стражей у ворот дома. Сестры Игоря держали невесту в затворничестве и строгости.

Прекраса, однако, была вольнолюбива, властна и отчаянна. Она то обманывала хитростью своих домоправительниц и нянек, то открыто с лихостью покидала подворье и гуляла с деревенскими отроковицами по окрестностям деревни, где ей вздумается.

Егор в ту пору проводил лето в деревне Хвосты, отписанной еще князем Рюриком посаднику Глебу, отцу Егора. И потому он изредка осмеливался нарушать наказ отца, встречался с Прекрасой в Выдубцах. И в одну из таких встреч он истинно утвердился, что Прекраса – не его судьба. Десятилетняя отроковица сказала ему, как зрелая и мудрая женщина:

– Егорша, тщетна твоя потуга: сгоришь, но не возьмешь того, чего желаешь. Потому не ищи меня более. Суждено мне быть женою князя Игоря.

– Но ты его не ведаешь, – возразил Егор, – может, он на упыря болотного похож. Я же пред тобой.

– Ты пригож и ведом мне нравом мягким, да судьбу не обойдешь, не объедешь. Потому прощай и не казись по мне. – Лицо ее в сей миг было холодно и печально.

Егор в то мгновение понял, что Прекраса из тех птиц, кои царят в поднебесье. Он ушел из Выдубцов, стная в душе и еще не ведая, что сердечная рана его так и не зарубцуется до исхода жизни.

А ближе к осени в Выдубцах появились князья Олег и Игорь и увезли Прекрасу в Киев.

В те же дни покинул Изборск и Егор. Он подрядился гребцом на караван судов, который возвращался из Пскова в Херсонес. В Киеве караван пристал к берегу и простоял сутки. Егор порывался сбежать на княжеский теремной двор в надежде хоть одним глазом увидеть Прекрасу. Но сдержался и просидел все сутки на корме греческой скедии. А через сутки быстрая днепровская вода понесла скедию в низовья Днепра, и с нею на сорок лет уплыл из родной земли сын изборского посадника Егор.

В Херсонесе, куда вернулись греческие скедии, Егор не задержался. Он узнал, что близ селения Инкерман есть мужской монастырь, и ушел туда. Там его крестили в христианскую веру и нарекли имя Григорий, он стал послушником. Он провел в Инкерманском монастыре несколько лет, изучил греческий язык и грамоту. Не приняв монашеского сана, он однажды уплыл в Царьград. Там поселился в посаде, близ монастыря Святой Мамы, где останавливались купцы-русичи, когда прибывали в Царьград с товарами. Монастырь располагался между городской стеной и проливом Боспор. В монастыре была церковь, и Григорий почти каждый день ходил в сей храм на церковные службы и был замечен священником Михаилом. И однажды отец Михаил позвал Григория в ризницу и там спросил:

– Сын мой, нет ли у тебя желания послужить православной вере?

– Вельми большое желание есть, – ответил Григорий.

– Тогда приходи завтра к обедне. Я уготовлю тебе место в храме. Вижу в тебе истинного христианина, – сказал отец Михаил.

В ту пору в Византии при императоре Леоне служили семьсот Олеговых воинов. Они стояли близ монастыря Святой Мамы. Многие из них были крещены в христианскую веру. Возвращаясь из походов, они шли помолиться в храм, где теперь служил Григорий. И ему было отрадно знать, что на чужой земле он не одинок. С некоторыми из них Григорий познакомился, сдружился. Но мирное и благостное течение жизни вскоре оборвалось. Для Григория наступила тягостная, полная тернистых испытаний и рабского труда жизнь. Причиной тому оказалось вторжение в Византию русской рати, кою привел великий князь Олег. Разгул язычников Олега, как сие увидел сам Григорий, был безобразен. Они сжигали жилища, разоряли храмы, монастыри, бросали женщин с детьми в море, пленных греческих воинов расстрели-

вали из луков или прибивали гвоздями к деревьям. Повелением Олега все воины, кои служили императору Леону, призывались вернуться на Русь, а поначалу должны были послужить в дружине и участвовать в битвах против войска Византии. Но гвардейцы императора перехватили сеунча Олега, и все воины-россы были схвачены, обезоружены и отправлены в глубь страны на каторжные работы. Григорий тоже был арестован. Его обвинили во враждебных замыслах против империи и как Олега лазутчика сослали в каменоломни. Шесть долгих лет провел на каторжных работах Григорий, добывая для императорского двора мрамор. Освобождение пришло по воле нового императора. В Константинополе волею императора Романа собиралось большое посольство на Русь. Туда же выезжали многие священнослужители проповедовать христианство. И священник церкви Святой Мамы Михаил дерзнул обратиться к патриарху, дабы тот освободил ревностного христианина из россов. Григория вернули в церковь Святой Мамы и поручили перевод священной книги на язык россов.

Григорий, движимый вдохновением, трудился денно и ночно и успел сделать перевод Православного Молитвослова и несколько списков с него ко дню отплытия на Русь греческих послов. После сего Григория посадили за перевод Евангелия, и он трудился над ним около трех лет. Позже, когда Григорий вернулся на родную землю, он привез свой рукотворный труд, второй список Евангелия, на родную землю.

С годами жизнь Григория в Византии становилась все более умиротворенной. Может быть, он там и закончил бы свой бранный путь. Но в Царьград суждено было прибыть великой княгине Ольге с посольством. Когда он услышал о том, что суда княгини Ольги вошли в Золотую бухту, то испытал ни с чем не сравнимую радость и волнение. Уведомив протоиерея Николая, занявшего место уехавшего на Русь протоиерея Михаила, Григорий ушел в гавань в надежде увидеть там великую княгиню, когда она на третий день пребывания в гавани сошла с судна и отправилась в императорский дворец, в посольский особняк. Григорий смотрел на нее издали, не осмеливаясь открыть своего лица. Она показалась ему прежней прелестной Прекрасой, но еще более величественной. С этого часу Григорий заболел тоской по родине, и все помыслы его были об одном: как вернуться на отчую землю. И когда через год после пребывания княгини Ольги в Царьграде на Русь собиралось большое посольство, а с ним отправлялись многие священнослужители-миссионеры, отец Григорий дерзнул обратиться к патриарху и испросил его позволения войти в число миссионеров. В ту пору высшее духовенство Византии прилагало много усилий для того, чтобы христианство стало на Руси государственной религией.

И вот священник Григорий в Киеве, среди христиан и рядом с язычниками, кои, как показалось ему, еще более, чем при князе Олеге, погрязли в невежестве своего идолопоклонничества. Он не жалел сил, чтобы росли ряды христиан. Но сие давалось трудно, потому как верховный жрец Богомил жестоко преследовал вероотступников. И многие из них уже поплатились жизнью. Понял Григорий, что пока во главе язычества стоит Богомил, пока великие князья держатся языческой веры, надеяться на прирост христиан тщетно.

Ночь прошла, но Григорий так и не сомкнул глаз. На рассвете он вновь услышал на площади голоса и крики отчаяния. Он вышел из храма и увидел, как толпа киевлян скрылась на улице, ведущей к Священному холму.

– Что здесь случилось? – спросил он старцев, еще охраняющих храм.

– Беда нам, отец Григорий, – ответил один из старцев, – идоляне утащили из Аскольдовой слободы седмицу православных выюношей и дев.

В сие время к храму подошел протоиерей Михаил. Григорий поспешил ему навстречу.

– Преподобный отец, мерзкие люди увели на жертвенник семь христиан. По воле Богомила их убьют, ежели мы не спасем.

– Но что мы можем сделать, отец Григорий? – в отчаянии спросил протоиерей.

– Токмо великая княгиня властна остановить алчущих крови. Идем же к ней, преподобный.

Но протоиерей Михаил выразил сомнение:

– Она в таком горе. Как можно ее тревожить?

– Не сомневайся, преподобный. Даже если пострадаем за веру, за детей наших, мы должны сказать ей о будущем ее подданных христиан. – И Григорий взял Михаила под руку, повел к княжеским палатам.

На этом коротком пути от храма Святого Илии до княжеских палат – всего-то чуть больше двухсот сажен – два священнослужителя пережили и перечувствовали столько, что иному и за всю жизнь не пережить. Грек Михаил был повержен в страх. Зная крутой нрав архонты росс, он шел и прощался с жизнью, потому как понимал, что Ольга не помилует их за дерзость. Он вспомнил свой прекрасный Константинополь, свою приходскую церковь и полную боголепия службу, свой уютный дом и многое другое, свое, свое. Однако страх перед Ольгой мешал протоиерею Михаилу спрятаться до поры в воспоминаниях минувшего. Он боялся, что княгиня Ольга скажет: «Я сама язычница и по нашим законам готова лечь на жертвенный камень, дабы уйти из мира сего следом за супругом. И те, кого отметил Богомил, обречены на смерть моей верой». Что ж, Михаил знал, что на Руси испокон веков так поступали жены-язычницы, даже если глава семьи не погибал на поле брани, но умирал в постели.

Другое волновало россиянина. Григорий боялся, что княгиня Ольга не допустит их к себе, что стражи выпроводят их с княжеского двора силой. Но против стражей у отца Григория был крест. Оставалось одно: одолеть стражей и идти в княжеские терема, даже если их туда не позовут. И еще волновало Григория немаловажное: найдет ли он такие слова, кои убедили бы княгиню проявить милосердие к невинным жертвам. За себя, за свою жизнь Григорий не волновался. Он верил, что и волосы не упадет с его головы без воли Божьей.

Но то, что увидел на теремном дворе Григорий, привело его в смущение и остудило пыл, с коим он шел к княгине. Двор заполняла тьма воинов, и что уж тут было надеяться на силу креста. Им же не пробьешь стену. Ан оторопь посетила Григория лишь на мгновение. Он все-таки взялся за крест и поднял его над головой и решительно пошел вперед. И все случилось как бы само собой. Молодые воины-язычники уступали священнослужителям дорогу, да прежде всего почтенному белобородому старцу Михаилу. Им не было дела до того, что это христианские священники. Они, по обычаю русичей, уважали старость. И Григорий с Михаилом подошли к красному крыльцу. Могучий рында открыл перед ними двери, и они беспрепятственно вошли в княжеский дворец. В первой же большой зале их встретил воевода Асмуд. Он знал и Михаила и Григория.

– Зачем пришли в неурочный час? Разве вы не ведаете о нашем горе? – спросил он строго.

– Ведаем, достойный воевода. Токмо нас привело не меньшее горе, – ответил Григорий. – Хотим зреть великую княгиню, и неотложно.

– Матушка княгиня почивает, – сказал Асмуд. И тут же крикнул дерзким послан: – Ночь не спала! Убирайтесь вон!

Отец Григорий голову вскинул, крест к груди Асмуда приставил.

– Не бери грех на душу, воевода! На вашем холме невинные русичи к гибели приговорены. Веди не мешкая! – Глаза Григория обожгли все в груди варяга, он посмотрел на боярыню Павлу, коя спускалась с лестницы и слышала то, что сказал Григорий. Сказала торопливо:

– Матушка княгиня не спит. Она у сына в спаленке. – И повелела Асмуду: – Веди их, воевода, веди!

Путь по лестнице был самым тяжким для Григория. Он поверил, что княгиня исполнит их просьбу. Но встреча с нею и пугала и волновала его. Он шел навстречу к любимой женщине, к той единственной отраде души и сердца, образ которой не угас в нем за долгие сорок с лишним лет. У него была женщина-гречанка: сан позволял ему жениться, но любви к ней он не

испытал. И когда она покинула его, пока он был на каторжных работах, Григорий не жалел о том. К тому же и детей они не завели.

Прекраса – другое дело. Это был ангел-хранитель Григория. Она дала ему мало, лишь возможность любить, и, хотя любовь его была безответной, она питала его сердце силой и теплом, и образ Прекрасы был несмываем временем. Жалел Григорий об одном – о том, что за год жизни в Киеве ни разу не увидел ее. Какая она в своем пятидесятилетнем возрасте? Да что говорить о том, когда ее постигла черная беда.

Асмуд привел священников в трапезную и скрылся за дверью детского покоя. Прошло несколько минут, за это время из-за двери дважды выглядывал трехлетний Святослав, стрелял острыми глазенками и скрывался.

Но вот наконец Асмуд вышел, распахнул дверь и на пороге появилась княгиня Ольга. Горе подкосило ее. За прошедшие две ночи и день она поблекла и показалась Григорию старой женщиной. Но, похоже, ни время, ни горе не тронули ее стройной по-девичьи фигуры, кою облегал украшенный диамантами далматик. И потому Григорию показалось, что на лице у его Прекрасы – маска, что надевали женщины Царьграда в карнавальные ночи.

Ольга не очень приветливо спросила:

– Что вам нужно, слуги Христа Назаря? – Она смотрела на Григория, который стоял впереди протоиерея Михаила, и на ее лице не дрогнула ни одна черточка. Земляк и сподвижник ее детских игр был для нее чужим и незнакомым.

Григорий и не ожидал иного. И понял в сей миг, что и Ольга для него чужая. И не было уже на свете Прекрасы. С ответом Григорий не замешкался и, подбирая сильные слова, сказал:

– Великая княгиня всея Руси, не дай пролиться невинной крови на Священном холме. Повели освободить семь пленников и пленниц. Над ними жрец Богомил готовит пагубную расправу.

– Кто они?

– Твои подданные, дети Христовы. Мы же с протоиереем Михаилом служим в соборной церкви Святого Илии, мы будем молиться за тебя, великая княгиня.

– Мне сие радости не прибавит. А на Священном холме своя власть. Богомил – слуга Перунов, но не мой. – Лицо княгини оставалось бесстрастным. И была она со своим горем где-то далеко, но никак не лицом к лицу со священнослужителями чуждой ей религии.

В груди у Григория дрогнуло сердце. Он понял, что княгиня не защитит схваченных язычниками христиан. «Она отдаст их на заклятие!» – крикнула его душа. И тогда Григорий отважился сказать то, что открывало его личность, что оставалось последней надеждой:

– Великая княгиня, Прекраса Псковской земли, друг твоего детства Егорша помнит твое человеколюбие и потому надеется, что ты исполнишь его просьбу, не загубишь напрасно семь россиянских душ.

Ольга сделала шаг назад, взмахнула рукой, словно защищаясь от наваждения, потом сделала несколько шагов вперед, остановилась близ Григория.

– Я помню Егоршу. Да ты ли это? Ведь Григорий, а не Егор твое имя!

– Да, великая княгиня, теперь я Григорий, но в семнадцать лет, когда покинул Изборск, я был Егоршей-Егорушкой.

– Давно ли в Киеве?

– Год.

– Почему же не пришел раньше, в лучшее время?

– Боялся встречи с тобой, – искренне ответил Григорий.

– Да, да, я понимаю. Я понимаю, – произнесла она тихо. Но поспешила сказать: – Хорошо, я исполню вашу просьбу. Вижу, вы оба пришли с одним. – И, повернувшись к детской, позвала: – Асмуд!

– Слушаю, матушка княгиня, – появляясь в дверях, сказал Асмуд.

– Поспеши на Священный холм и скажи Богомилу моим именем, дабы отпустил всех, кого приговорил к жертвоприношению. Да возьми с собой воинов: одному тебе он их не отдаст.

Асмуд молча ушел. Ольга повернулась к Григорию. Он заметил, что на ее лице разгладились жесткие морщины, порадовался.

– Прости, – сказала Григорию Ольга, – нынче я не могу тебя принять, дабы посидеть и вспомнить Изборск. Мы как-нибудь встретимся.

– Спасибо за милость, великая княгиня. Я буду молиться за тебя Господу Богу. – И Григорий низко поклонился.

– Идите за Асмудом, – предупредила священников княгиня. – Возьмете у него своих назареев.

Григорию вдруг захотелось еще побыть близ княгини Ольги. Но, понимая, что пришел не на праздное времяпровождение, он еще раз поклонился Ольге и покинул трапезную. Его и отца Михаила провожала Павла.

Ольга же стояла не шелохнувшись, взор ее затуманился и в теле появилась легкость неведомая, и она улетела на свою любимую Псковщину, в далекую и радужную пору детства и отрочества.

Глава пятая

Послы

На улицах Киева улеглись страсти. На Священном холме никого, кроме жрецов, не было. Богомил ушел в свои палаты. А в христианских храмах шла служба. Был праздник Святого Иоанна Златоуста, и священник Григорий возносил с амвона слова великого христианского мыслителя.

– Ты постишься? Тогда избегай клеветы, избегай лжи, злословия, вражды, богохульства и всяческой суеты! Ты постишься? Тогда избегай гнева, ревности, клятвопреступления и несправедливости. Если ты постишься ради Бога, то избегай всякого дела, кое ненавидит Бог, и Он примет твоё покаяние с благосклонностью.

Звучала песнь похвалы Святому Златоусту, и Григорий пел вместе с хором. В это время к нему подошел отрок-послушник и сказал:

– Святой отец, княгиня Ольга уже села на коня.

Размахивая кадилом, отец Григорий ушел в алтарь. Спустя немного времени на амвон вышел протоиерей Михаил. А Григорий снял ризу, накинул суконный кафтан и покинул церковь. Он знал, для чего Ольга поднялась в седло. Она поведет дружину в Древлянскую землю, и там быть разрушенными, разоренными городам и селениям несчастной земли, там быть убитыми всем воинам и проданными в рабство тьме древлянских дев и отроков. И священник Григорий спешил на княжеский двор с одним желанием: остановить Ольгу, убедить ее в том, что кровная месть – дело варваров, но не русичей. Эта надежда Григория свершить благое дело была зыбка и призрачна. Кровная месть! О, она и в россиянах-язычниках имела глубокие корни, которые и богатырской силе не вырвать. А как он, слабый телом, старый человек, мог остановить женщину, которая потеряла любимого мужа, отца ее сына и отца державы? И с каждым шагом отец Григорий понимал тщетность своих побуждений, однако продолжал идти. Но шаги его становились медленнее, потеряли твердость, он миновал ворота на княжеский двор, пошел вдоль стены и вышел на высокий берег Днепра – и там застыл в удивлении. Взору его представилось огромное речное пространство, которое заволокли ладьи, челны-усады, коих не счесть. И берег, чуть ли не до окоема, занимали конные и пешие воины. Одним предстояло идти в Древлянскую землю на судах, другим – конным строем. И Григорий подумал, что изменить решение княгини Ольги в сей час не в состоянии даже Господь Бог.

Отец Григорий спустился к реке и шел теперь по стану воинов – христианин среди тьмы язычников. Он знал, что воины могли обидеть его, надсмеяться, бросить в спину бранное слово. Ему же хотелось поднять крест и наложить на воинов клятву: не мстить, не убивать, не грабить, не жаждать чужих жен. Но поднять крест в стане язычников было равносильно дерзкому вызову. И отец Григорий шел низко опустив голову, хотел остаться незамеченным. Однако ему это не удалось. На подходе к великокняжеской ладье он увидел княгиню Ольгу, она стояла на борту судна и осматривала дружину. А увидев Григория, сказала воинам:

– Прогоните этого человека и накажите забыть к моему терему дорогу. – Она догадалась, с чем шел к ней священнослужитель.

К тому же верховный жрец Богомил выразил княгине неудовольствие за то, что она повелела отдать христиан, тем лишив Перуна жертвоприношения. Когда же Ольга сказала, что сделано это по просьбе священника Григория, тот, зло сверкая глазами, жестко сказал:

– Не удивлюсь, великая княгиня, ежели ты будешь служить ему усерднее, чем мироправителю Перуну.

Тогда Богомил проявил дерзость. Как смел он, сочла Ольга, бросить ей такое обвинение? Чтобы она служила какому-то попу с его малеванными досками-иконами вместо истин-

ных богов? Нет, такому не бывать! Но Ольга сдержала свой гнев, потому как было не до того. Потеря любимого человека с каждым днем усиливала, углубляла ее страдания. И наконец, она нашла единственный, как ей показалось, верный путь к успокоению – путь кровной мести. «О, я отомщу злодеям так, что только ветер будет гулять по их земле», – сказала Ольга себе. И было отдано повеление дружине собираться в поход. И вот уже все готово к отплытию. Ольга увидела, как отроки прогнали дерзкого слугу Христова. И пора было в путь. Ольга уже велела трубить в рог о выступлении, как с высокого днепровского берега прибежал к ладье воин Веремид и крикнул от воды:

– Матушка княгиня, там чужая ладья!

– Говори, чья же! – потребовала Ольга.

К княгине Ольге подошел воевода Свенельд, могучий воин лет сорока, с суровым бронзовым лицом, варяг дерзкий, умный и хитрый.

– Матушка княгиня, сие плывут послы от князя Мала, – сказал он.

– Как они посмели?! – Ольга смотрела на Свенельда потемневшими от гнева глазами, словно он был виновен в том, что те появились в пределах Киева. – Предать их смерти сей же час!

– Но это же послы к тебе, великая княгиня, – возразил Свенельд. – Вели причалить ладью к берегу.

– Никогда! – решительно ответила Ольга. – Я поговорю с князем Малом там, в Искоростени. А этих утопить!

– Да будет тобою велено. Нам же сие выполнять не мешкая, – ответил Свенельд. – Дозволь лишь, матушка княгиня, мне их выслушать.

Ольга еще не нашла времени сказать все, что думала о нем, корыстолюбивом воеводе. Он прибыл в Киев всего несколько часов назад, проскакав многие версты из Белгородской земли. Наградив Свенельда недобрым взглядом, она отвернулась от него. В ней боролись жажда мести и здравый рассудок. Обычай говорил, что, кто бы ни были те послы, их нужно выслушать.

– Иди, да скоро вернись! Нам пора в путь, – разрешила княгиня и скрылась в рубленом шатре на корме ладьи.

Воевода Свенельд вернулся быстро, появился в шатре, с поклоном сказал:

– Кланяются тебе послы и просят их выслушать.

– И что же ты им ответил, верный мой воевода?

– Сказал, что ты их примешь, матушка княгиня.

Ольга с трудом терпела Свенельда и то лишь потому, что это был лучший воевода при князе Игоре. Не любила же Ольга Свенельда за высокомерие и своенравность, за то, что порою проявлял непокорность, часто поступал по своему разумению. Вот и теперь он вынудил княгиню сделать не так, как она решила, но навязал ей свою волю, заставил выслушать кровных врагов, которых уже давно бы пора отправить в студеные воды Днепра. Но княгиня Ольга сочла, что не может принять послов в ладье. Нужно было подняться в терема, там распахнуть двери посольского покоя. И снова в ее груди все возмутилось: «Нет, тому не бывать, чтобы в палатах, где князь Игорь принимал зарубежных гостей, появились его враги!» Изощренный ум Ольги искал иной путь решения встречи с послами. И ее озарило. Она сказала Свенельду:

– Иди, воевода, и передай послам, что я приму их завтра на теремном дворе. Ладью же поставь в тридцати саженьях от моей.

– Так и передам, так и сделаю, матушка княгиня. – И Свенельд вновь поклонился и ушел к послам князя Мала.

Оставшись одна, Ольга снова задумалась. С какими бы благими намерениями ни явились послы от древлян, – считала она, – разговор с ними будет один: не уйдут они с Киевской земли, как бы ни пытались. Быстрая розмыслом Ольга уже нашла верное решение, как воздать должное людям князя Мала – тем, чьи сыновья подняли мечи на князя Игоря. Княгиня Ольга не

покидала судна до той поры, пока не вернулся от древлян Свенельд. Вернувшись, он получил новое задание от Ольги:

– Иди к древлянам и скажи, что одного из них, старшего, я приму сей же час здесь, в шатре.

Посол древлянского князя Мала боярин Влад спустился с ладьи не мешкая. Он шел к великокняжеской ладье степенно, его бороду трепал ветер, соболя шапка была заломлена. И было непонятно: то ли он отчаянно смелый и за его спиной сила великая стояла, то ли бесконечно глуп, чтобы не понимать, что возвратного пути ему из Киева нет. Осматривая берег Днепра и речное пространство, боярин Влад качал головой.

– Эку силу собрали, уж не на печенегов ли? – выразил боярин свою догадку семенящему позади тощему человечку.

Тощий человечек был догадливее.

– К нам покатится сия сила.

– Полно тебе, Ефим. Да я же с каким поручением иду к великой княгине! Еще возрадуется и добром наделит нас. И речи наши ей будут приятны.

Боярин Влад поднялся на великокняжескую ладью и вошел в шатер, поклонился Ольге.

– Честь и хвала тебе, великая княгиня за то, что приняла посла.

– Говори, зачем пришли в Киев, – сухо сказала Ольга.

Боярин Влад разгладил бороду, кафтан на бобровом меху поправил, заговорил степенно и медленно, взвешивая каждое слово:

– Послала нас Древлянская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, потому что муж твой, как волк, расхищал и грабил, а нам князья хорошие, ибо ввели порядок в Древлянской земле...»

Княгиня перебила боярина Влада:

– Почему же ты хвалишь древлянских воевод, кои убили моего мужа? Помню к тому же, что у вас в Древлянской земле всего один князь Мал. Или не так?

Боярин Влад остался верен себе и продолжал с той же степенностью:

– Князья послали нас сказать, что и у тебя в землях можно все поправить, ежели выйдешь замуж за нашего князя Мала.

Впервые за последние дни Ольга улыбнулась, но это была улыбка несчастной женщины, потому горькая и злая.

– А князь Мал умом светел? – спросила Ольга.

– Светел, светел, матушка, как лесной родник.

Ольге захотелось накричать на посла, выгнать из шатра и сбросить в Днепр, так больно ей было слышать кощунственное предложение древлян. Но княгиня погасила свою ярость.

– Любезна мне речь твоя, боярин. Мужа мне уже не поднять, не оживить плоть. Случай же мое слово: завтра воздам честь вам, послы жениха Мала, пред всем моим народом. Такую весть принесли! Ноне же иди к своей ладье и ложитесь спать, величаясь. Утром я пошлю за вами воеводу, а вы говорите ему: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье». И понесут вас в ладье, верьте моему слову. Теперь же иди, боярин.

Влад поклонился и молча покинул шатер.

Никого из бояр и воевод близ Ольги не было. Все они стояли на берегу и не знали сути разговора княгини с послом князя Мала. Теперь же могли лишь судить, о чем на ладье шел разговор, по самодовольному и гордому виду боярина Влада. Он уходил к своей ладье с достоинством победителя.

В ладью к княгине Ольге первым поднялся воевода Свенельд. Он смотрел на великую княгиню с удивлением. Показалось ему, что Ольга довольна встречей с послом. Гадал: «Что же они друг другу поведали-открыли?» Спросил, наконец, Ольгу:

– Матушка княгиня, поднимать дружину в седло и на суда или как?

– Сегодня мы не идем в поход. Дружине отдыхать. Когда выступать – скажу. Иди и распорядись. Да позови Павлу.

Вскоре великая княгиня покинула свою ладью и, бросив взгляд на древлянское судно, медленно направилась в свой терем по Боричеву взвозу. Ее сопровождала лишь Павла. Остальные же служилые шли поодаль. Княгиня, как ей казалось, была в сей миг в полном одиночестве на всем днепровском берегу, и ничто не мешало ей предаваться пылавшему в груди огню жажды мести. Она лелеяла это чувство, как любимое дитя, она просила бога Перуна, дабы он удесятерил эту жажду. Ей хотелось испепелять врагов одним взглядом, разрушать этим взглядом их города, селения. «О, древляне, вы проклянете тот день, когда появились на свет, вам черным покажется тот час, когда вы подняли руку на моего князя, на отца державы!»

Поднявшись на теремной двор, она позвала воевод Свенельда и Претича и ушла с ними в отдаленную часть двора. Там обвела рукой луговину и повелела:

– Копайте здесь яму: восемь сажен вдоль, три поперек, две глубиною. И чтобы к утру исполнили урок.

Когда Ольга ушла в палаты, воеводы попытались разгадать ее загадку, ан как ни бились, ответа не нашли. Да запаслись терпением и отправились за воинами, дабы те исполнили повеление княгини.

Вскоре сотня молодых гридней заступами вскрыли луговину, и полетела на все четыре стороны тяжелая глинистая земля. А поздним вечером княгиня Ольга пришла посмотреть, как идут работы, успеют ли воины выкопать к утру яму. Но то, что она увидела, повергло ее в негодование: яма не была готова еще и наполовину. В ней сустились не меньше трех десятков воинов и десятков пять или шесть что-то вытягивали из ямы наверх веревками. Оказалось, что под аршинным слоем земли на всем пространстве ямы лежали тяжелые каменные плиты. Кто их туда уложил? Отгадать сего воины не смогли. Княгиня Ольга тоже не пыталась найти ответ, она лишь жестко сказала:

– Торопись, воевода Претич, выполнить урок.

– Умаялись с плитами, матушка княгиня. Боюсь... – начал было оправдываться Претич.

– Сам лезь в яму, пример усердия покажи. Лошадей приведи вытаскивать камни, – распорядилась княгиня.

Вскоре воины с помощью лошадей осилили почти саженную толщу плит. Под ними оказался легкий песок. И с новой силой зазвенели заступы. К утру, как и повелела княгиня Ольга, огромная яма была вырыта. С вестью об этом в княжеские палаты пришел воевода Свенельд. Ольга выслушала его и сказала:

– Ты, воевода, заметила я, чтишь послов древлянских выше чина. Иди же к ним и скажи, что я приглашаю их на теремной двор. А как уведомишь, исполни их волю, какой бы она ни была. И не перечь.

Свенельду не нравилось загадочное поведение княгини, но сказать об этом он не осмеливался. И прежде не раз натывался на властные слова. Все они сводились к одному: исполняй, что говорят, а для чего сие – не твое дело. И воевода отправился исполнять волю княгини. Его сопровождали несколько отроков из личной охраны. Среди них выделялся совсем молодой воин-отрок Дамор. Грудь у него была мощная, бугрилась от мышц, плечи широкие, крепкая шея и красивое лицо с синими глазами в густых темных ресницах. Позже он встанет близ княгини Ольги и не раз выручит ее в суровых испытаниях.

Подойдя к берегу и не увидев сходней на борт древлянской ладьи, Свенельд крикнул:

– Эй, послы!

Из-за борта ладьи показалась лохматая голова и спросила:

– Чего там?

– Долго спите. Идите на теремной двор, там вас великая княгиня встретит. Зовет для чести великой.

Над бортом показались сразу все двадцать послов. И боярин Влад спросил остальных:

– Браты, идти ли нам?

– Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но пусть несут нас в ладье.

Многое повидал и слышал на своем веку воевода Свенельд, но такое ему довелось услышать впервые. Крикнул громовым голосом:

– Как смеее противничать княгине?! Кто вас понесет в ладье?

– Ты и неси. Исполняй нашу волю, и баста, – ответил боярин Влад.

Воевода пуше хотел на них прикрикнуть. «Эко разохотились, древлянские волки», – выругался он в сердцах. Да вспомнил повеление княгини: «Исполни их волю не перечая!» С послами-то он поперерекался бы, да после того, как узнал нынешней ночью то, о чем рассказывал единственный уцелевший из воинов при князе Игоре Улеб, ярый норов свой взял в хомут. То, что случилось в Древлянской земле, – немалая в том его вина, Свенельда. Теперь того и гляди, как лишат всего, что воеводе дано. Проклиная в сердцах древлянских послов, воевода, однако, послал своих отроков за сотней воинов. Еще велел принести с хозяйственного двора канаты и веревки. Сам же присматривался, прикидывал, как лучше взять вражью посудину, как проще вытянуть на берег.

Весть о том, что в Киев прибыли древлянские послы, взбудоражила горожан и особенно тех, у кого не вернулись с Древлянской земли родные и близкие. И утром многие из киевлян поспешили на берег Днепра. Да тут же подбирали камни, прятали их под кафтанами и свитками, дабы при случае побить ненавистных древлян. Иные же проникли на теремной двор и дивились на великую яму, возникшую всего за одну ночь на чистом лугу. И начались суды-пересуды: зачем такая ямища?

Той порой на берегу собралось больше сотни воинов Свенельда. Они скопом вошли в холодную воду и вытащили ладью на берег. Потом обвязали-опутали ее канатами и веревками и по команде воеводы подняли на плечи и понесли по Боричеву взводу на теремной двор.

Днепровский берег всколыхнулся: тысячи киевлян, увидев небывалое зрелище, закричали, загалдели, над толпой словно взорвалось небо, и было неведомо, чего в этом гвалте больше – торжества или ярости, ненависти или простого удивления. Так, под несмолкаемый гул и гвалт, ладью с послами внесли на высокий теремной холм, доставили на двор. Там шагавшего впереди Свенельда встретила княгиня Ольга и пошла рядом с ним, направляя шествие к яме. Княгиня и воевода поднялись на свежие груды земли, и Ольга спросила Свенельда:

– Ты еще не ведаешь, воевода, почему принуждаю тебя кружить близ послов?

– Нет, матушка княгиня, не ведаю, – ответил ослабшим голосом он.

– Ведай же. Ты будешь казнить себя до конца дней своих за смерть князя Игоря и за смерть древлянских послов. Все они на твоей совести, – жестко сказала княгиня. И еще жестче повелела: – Теперь прикажи своим воинам занести ладью над пропастью и сбросить ее туда, все закопать и сровнять с землей. Исполняй же, что сказано.

Воевода Свенельд, еще удивленный хладнокровным распоряжением княгини, но уже трепещущий за свою судьбу, побежал исполнять волю княгини и направил воинов к яме. И когда ладья повисла над нею, воевода охрипшим голосом крикнул:

– Бросай!

И ладья с грохотом упала в яму. Послы же, немые от ужаса, лишь таращили на великую княгиню глаза. Они поняли, какая участь постигла их. Княгиня Ольга подошла к краю ямы и спросила послов:

– Хороша ли вам оказана киянами честь?

Из ладьи донеслись наконец крики мольбы и отчаяния.

– Пуше нам Игоревои смерти!!

– То ли еще будет с вами, древлянскими волками! – И княгиня Ольга засмеялась торжествующим смехом. Так, упиваясь победой, смеются воины, выйдя живыми из смертельного

боя. Но, несмотря на торжествующий тон, смех великой княгини многих, кто услышал его, поверг в трепет.

Ольга посмотрела на Свенельда и напомнила:

– Исполни урок, воевода!

Свенельд оставался мужественным воином, он поборол в себе минутный страх и крикнул:

– Эй, воины и все горожане, кто любил князя Игоря, забросайте дерзких врагов земель, сровняйте пропасть!

И в тот же миг сотни рук ухватились за заступы. И в ладью полетели глина, песок, камни. Несколько воинов приволокли к краю ямы каменную плиту и сбросили ее на головы древлянских послов. Вскоре ни ладьи, ни тех, кто сидел в ней, не стало видно. И поднялся над луговой холм. Великая княгиня прошла по нему и повелела воинам:

– Никакого холма! Сровнять, утоптать! – И в сопровождении молчаливой и сурово поджавшей губы боярыни Павлы ушла в терема.

А на холме началась пляска молодых воинов и юных киевлянок. Язычники в этот день устроили на теремном дворе дикое веселье, и оно не утихало до полуночи. Торговые люди выставили на двор бочки с медовухой и брагой, с корсунскими виноградными винами.

Справлялась первая тризна по убиенному великому князю Игорю. Сколько их, подобных тризн, будет впереди, никто, даже волхвы, не смогли бы предсказать.

Глава шестая

Жестокость

Никакой мстостью нельзя утолить жажду. Она только воспаляет ее. После того, что случилось на теремном дворе, жадой мщения, жадой новых жертв вспыхнули сотни киевлян: в семьях, в языческих родах мужчины точили секиры, мечи, готовили коней, собирались в поход на древлян вместе с княжеской дружиной. Жрецы во главе с Богомилом не покидали площадей Киева и призывали идолопоклонников воздать Перуну новые жертвы. Богомил запретил приносить на Священный холм овец, коз, птицу и всякую другую живность и требовал только человеческих жертв. По воле Богомила отряд гридней Свенельда ускакал на конях в ближнюю древлянскую весь, дабы опустошить ее и полонить жителей, пригнать их в столичный град на заклятие. На другой же день после жестокого предания смерти двадцати древлянских послов княгиня Ольга послала в Искоростень сеунча, дабы побудить князя Мала прислать в Киев более достойных посланцев. А чтобы гонца не казнили волею князя Мала, тому было наказано сказать: «Ты, князь Мал, знай: ежели сделаешь мне лихо, твоих послов, что в Киеве, отправят на съедение рыбам вместе с ладьей».

Князь Мал, высокий, полный и добродушный воин лет пятидесяти, полагал, что нет нужды посылать других посланцев. И гонцу сказал, чтобы возвращался, а он, князь, будет ждать своих людей из Киева с чем приедут. И на это у хитрого киевлянина нашлись нужные слова:

– Великая княгиня Ольга живет по обычаю предков. Прислал бы тридцать три посла, знал бы ноне, что быть Ольге твоей супругой.

И доверчивый князь Мал клюнул на приманку, отрядил еще тринадцать лучших людей своей земли. Да посадил их на коней, дабы поспешили в Киев. Теперь князь Мал уже не помнил, кто подсказал ему мысль о том, чтобы посвататься к Ольге, но поверил в сию подсказку. И гонец, появившийся от Ольги, был как сон в руку. И захмелел князь Мал от победы над князем Игорем, над княгиней Ольгой, уже видел себя на великокняжеском троне в Киеве, видел всю Русь, коя скоро окажется под ним.

Пока князь Мал предавался мечтам и ждал сватов с добрыми вестями, в Киеве готовились к приему новых послов. Княгиня Ольга пребывала в великом возбуждении, нараставшем с каждым часом. Но стоило бы Ольге вспомнить в эти дни о друге детства Егорше, вылить бы ему всю боль души, может быть, все повернулось бы иначе. И не восторжествовала бы жестокость, не проявилось бы с новой силой безумие мести. Но нет, христианский священник Григорий в эту пору был для Ольги так же чужд, как и все христиане, предавшие веру отцов, живущие в призрачном мире ложных добродетелей.

Горожане в эти же дни, зная враждебное отношение княгини Ольги к христианам и помня, как был изгнан с днепровского берега священник Григорий, потешили себя тем, что разорили церковь Святой Ирины, коя стояла близ Аскольдовой могилы.

Послы из Древлянской земли прибыли в Киев дождливым и холодным днем. Когда княгиню Ольгу уведомили, что на теремном дворе ее ждут тринадцать посланцев князя Мала, она вышла их встречать.

– Я ведала, что вы приедете. Ваш князь умен и хорошо знает, как убедить одинокую женщину в своих благородных чувствах. Дайте же мне подумать до завтра, и тогда я скажу вам, принимаю ли предложение князя Мала.

Старший из послов, сухощавый, лет шестидесяти, боярин Клим, с посиневшим от холода лицом, спросил:

– Великая княгиня Ольга, а почему мы не зрим наших послов, кои пришли первыми?

– Они отдыхают в палатах на Подоле. Скоро и вы туда пойдете. Вот только не прогневайтесь на мою прихоть: я принимаю послов в теремах лишь после того, как они побывают в мовнице и попарятся. Уж таков мой обычай. Да и вам сие будет на пользу. Вон какой холод на дворе.

– Оно так, великая княгиня. Твои законы нам исполнять, – согласился боярин Клим. – Тогда скажи кому, дабы проводили нас в мовницу.

– Вот стоит воевода Посвист. Он вас и отведет.

Посвист вышел из-за спины Ольги и направился к послам. А княгиня поежилась от холода и ушла в терем. Послы отправились следом за Посвистом на хозяйственный двор, где в стороне от других построек стояла большая рубленая из толстых бревен баня. Двери ее были открыты, и на холодный осенний двор тянуло паром и дымком. Посвист ввел послов в просторный предбанник. Тут на столах стояли енды с медовухой и яблочным квасом, на блюдах лежала говядина, жареная рыба, мед в сотах и хлеб – все, чтобы угоститься до мытья и после.

– Вот, гости, здесь все для вас. Угощайтесь, величайтесь, там и попариться можно, – сказал воевода Посвист с поклоном.

Послы, довольные таким приемом, оживленно заговорили, сбрасывая мокрую верхнюю одежду.

– Оно по такой-то погоде в самый раз парком потешиться, – отозвался боярин Клим.

– Ублажайтесь, а я приду за вами, как придет час, – сказал воевода Посвист и покинул послов.

После дальней дороги никто из них не отказался от пищи, от хмельного. Они изрядно закусили, хмельного пригубили, а уж потом и мыться пошли.

А как скрылись древляне в парной, так подбежали к бане больше десяти парней из княжеской челяди с охапками хвороста, приперли колодой дверь, стены обложили сухими ветками. Да все поглядывали на ворота, за коими лежал теремной двор. И Посвист туда же смотрел. И увидел, кого ждал. Там, в сопровождении двух старейших воевод-язычников, Карла и Фарлофа, кои почти полвека назад прибывали щит Олега на вратах Царьграда, шла княгиня Ольга. Посвист побежал ей навстречу.

– Матушка княгиня, твоею волей все исполнено. Бросить ли огонь?

Ольга посмотрела на сморщенное, как кора осины, лицо Карла, на полнощекое Фарлофа. Они согласно покивали головами, и она сказала:

– Воевода Посвист, предай огню врагов моих, и твоих, и всех русичей.

– Слушаюсь, матушка княгиня! – И молодой воевода убежал к холопам. Там вместе с ними скрылся в одном из строений, а вскоре все выбежали оттуда, и каждый из них держал в руках по пылающей головне. И вот легли те головни под хворост со всех четырех сторон бани. И заиграл огонь, превратился в огненное кольцо, загорелись стены, тростниковая крыша, пламя вонзилось в хмурое осеннее небо. Из бани донеслись крики отчаяния, призывы о помощи. Послы пытались выломать двери, но напрасно.

Княгиня Ольга смотрела на торжество огня широко распахнутыми глазами, и в них отражались блики пламени, и глаза, казалось, излучали радость. Лицо княгини разрумянилось, в нем проступило что-то девичье. Она засмеялась, как это было, когда закапывали древлян. Сей странный смех испугал воевод Карла и Фарлофа, они отстранились от княгини. Она поняла их движение. Смех ее так же неожиданно оборвался, она поспешила обнять сперва Карла, потом Фарлофа и торопливо сказала:

– Простите меня, воеводы, простите! Боль моя выплескивается. Боль! О, как я ненавижу древлян, убивших моего супруга. – И тут Ольга вытянула руку, показывая на языки пламени, и закричала не своим голосом: – Вижу, вижу моего ненаглядного семеюшку! Он зовет меня! – И побежала к пылающей огромным костром бане. Оставалось всего несколько шагов до бушующего пламени, когда Посвист, прыгнув, перехватил княгиню. Она пыталась вырваться из его

рук, но могучий воин удержал ее. И она смякла, заплакала. Посвист отнес ее от обжигающего пламени, поставил на землю и, не выпуская из рук, увел с хозяйственного двора на теремной и там скрылся с нею в палатах.

В сей миг на бане рухнула кровля. Тучи искр, клубы дыма взметнулись высоко в пасмурное небо, и ветер понес пламя и дым в сторону города. Горожане, наблюдавшие за пожаром издали, учуяли смрад горящего человеческого мяса, знакомый язычникам по Священному холму. Ноздри идо-лян раздувались, они вдыхали сей смрад с наслаждением. И никто не удивился жестокости великой княгини. Она мстила своим врагам, а месть не может быть жестокой, считали дети Перуна, она лишь справедлива.

В этот предвечерний час тишину города нарушил колокольный звон на соборной церкви Святого Илии: били в набат. Звон был слабым, потому как колокол весил всего тридцать пудов и не имел особой силы. Но многие киевляне-язычники пришли в смятение: что значил сей колокольный звон – настойчивый и грубый? Однако оказалось немало и таких, кто пришел в ярость, услышав звон на христианском храме. Как посмели они, овцы назареевы, нарушить пляску священного огня?! Язычники заметили, что огонь стал спадать и затухать, дым стелился над землей. Идоляне сочли, что все это свершилось по вине христиан: они своим мерзким звоном бросили вызов Перуну. На площади близ княжеских теремов все пришло в движение, старые люди кричали на молодых, побуждая их сбросить колокол на землю. И те побежали к собору, и вскоре колокол умолк. Лишь трещали догорающие бревна на пожарище, да язычники, умиротворенные зрелищем, вели неторопливые разговоры о том, что рыба на Днепре отжиrowала и скоро придет час осенней путины – заготавливать рыбу впрок на зиму. Волхвы обещали, что зима будет ноне долгая и холодная. И предсказание волхвов сбылось скоро. В тот же день – еще и пожарище дымилось – полуденный ветер сменился на северный, нагнал низкие тучи и пошел дождь, а вскоре он сменился мокрым снегом. К ночи небо прояснилось, высыпали звезды и ударил мороз, сковал мокрый снег. На Днепре по берегу с каждым часом все больше нарастало припая, с верховьев Днепра несло «сало» – тонкие ледяные бляхи, – они приставали к судам, заплывавшим реку, срастались меж собой, и к утру лишь на быстрине река не замерзла, а все суда были скованы льдом, еще тонким, но крепнущим с каждым часом. И стало очевидно, что через день-другой судам уже не вырваться из ледяного плена и сама собой отпадала возможность идти на ладях в Древлянскую землю.

Но поход на древлян был отложен по другой, более весомой причине. Занедужила княгиня Ольга. Горе, что навалилось на нее, надломило здоровье Ольги. И после того, как сомлевшую княгиню Посвист привел с пожара в терема, отдал на попечение боярыни Павлы и нянек, княгиня потеряла сознание. Боярыни с воплями и причитаниями отнесли ее в опочивальню, уложили на ложе и все сидели-кружили близ Ольги в ожидании, когда она откроет глаза. Однако проходил час за часом, а Ольга продолжала лежать пластом, лишь изредка содрогаясь всем телом. Промаявшись близ Ольги всю ночь, боярыни к утру были в полной панике. Даже Павла, кою ничем не удивишь, не испугаешь, не находила себе места и металась по терему от детской к опочивальне с причитаниями и слезами на глазах. В рыданиях и причитаниях боярыни сошлись во мнении, что Ольга вот-вот покинет их и уйдет к своему семеюшке. Да и утешали себя тем, что так уж испокон повелось: умер муж – и жена должна пойти за ним следом.

Воеводы, бояре, что заплывали с утра княжеские палаты, рассуждали более здраво.

– Сомлела наша матушка княгиня и телом ослабла потому, что к пище многие дни не притрагивалась, – объяснил состояние Ольги воевода Асмуд.

С Асмудом согласились: горе кого угодно убьет. Да ведь нужно поднять княгиню на ноги. Державе она больше нужна, чем князю Игорю, хотя он и семеюшка, рассудили бояре и порешили позвать кудесника Любомира, живущего в пещере на берегу Днепра. Попросили воеводу Претича послать за ним людей.

– Твои воины скоры, пусть слетают в пещеры да принесут старца в палаты, дабы силу свою проявил, – посоветовал воевода Карл Претичу.

В трапезной, где шел разговор, в этот миг находилась боярыня Павла. Она воспротивилась:

– Воинов не шлите. Любомир их не чтит. Я сама пойду к нему и принесу, ежели что...

Боярыню Павлу все вельможи уважали и побаивались. Имела она строгий нрав, да и к княгине была ближе других, родством связанная. Перечить ей не стали. Она позвала двух челядинок, велела им взять глечик меду, хлеба, луку, репы и покинула палаты.

Пещера, которую выточили в известняке время и люди, уходила под гору далеко, там ветвилась, словно дерево, от ветвей отходили ниши, будто полости огромных орехов, и в одной из таких ниш многие годы жил отшельник Любомир. Горожане звали его кудесником. Он и на самом деле был таким. Пришел он в Киев из Новгорода вместе с князем Олегом и был близок к нему. Да не поладили они из-за веры. Не чтит Любомир язычество и отошел от него, а Олегу сие не понравилось. Любомир поселился в пещере и жил в ней вот уже более полувека. Он мало бывал на людях и волшебства без нужды не проявлял. Но владел силой, кою давали ему чудодейственные травы, коренья и плоды, этим и делился с теми, кто нуждался в помощи. И Павла сие знала, сама видела, как он своими снадобьями поднимал на ноги чуть ли не из мертвых.

Любомир сидел перед огнем, над которым на треноге висела глиняная чаша и в ней то-то варилось. Пахло чабрецом и еще чем-то незнакомым, но приятным. Кудесник мешал варево деревянной ложкой. Белая, как у луны, борода закрывала грудь. Сидел он в холщовой рубахе и кафтане из веретя, босой.

Павла низко поклонилась ему и сказала:

– Любомир-батюшка, прими дары от нашего двора, хлеб и мед. – И поставила рядом со старцем плетенную из ивы беркушку. Сама продолжала: – Нужда в тебе, батюшка, идем в палаты, подними нашу матушку княгиню, коя мается болями и в беспамятстве пребывает.

Вещий славянин посмотрел на Павлу голубыми прозрачными глазами и сказал то, чего Павла не ожидала:

– Дочь моя новгородская, забудь о том, что видела меня. Мой Бог не велит ей помогать. Как же мне перечить ему?

– Но, батюшка, она погибает! – воскликнула Павла.

– Телом она не избудет, духом же умерла в тот день, когда закопала невинных древлян.

– Они же убили великого князя! Разве это не причина? – с удивлением проговорила Павла.

– Нет, не они, а воины князя Мала за разбой.

– Но, батюшка Любомир, ты не должен осиротить ее сына Святослава, – умоляла Павла. – Она умрет и телом, ежели ты не спасешь ее.

Любомир слушал Павлу внимательно и сочувствовал ей, потому как она готова положить за княгиню жизнь. Еще он пожалел дитя княжеское, зная, что Русь нуждается в достойном государе. Увидев однажды Святослава, волшебник рассмотрел в лобастом младенце великого мужа. Сказал скупю:

– Токмо ради тебя и ее сына... – Любомир с трудом встал и ушел в дальний угол пещеры. Вернувшись, подал Павле глиняный сосуд. – Возьми. Дай княгине сей взвар одну ложку сегодня и в другие дни по ложке, ежели слабость придет. Да пребывать ей во здравии многие лета. Теперь уходи.

Но Павла не могла без него уйти и подумала: «Унесу ведь, чего в нем». Он же разгадал ее мысли. Ожег Павлу взглядом, взял палочку с птичьими перьями на конце, обмакнул ее в варево, да и брызнул на Павлу и на челядинок. Что там попало на них – капли, а будто дубиной ударило в груди. Они пошатнулись, попятились, да и побежали.

– Так-то я вас! – крикнул вслед Любомир.

Вернувшись в княжеские палаты, Павла подумала, что ей нет нужды встречаться с боярами, от имени которых ушла к Любомиру. Сказать в оправдание ей было нечего. Она прошла в опочивальню только ей и княгине ведомым ходом и застала Ольгу в прежнем беспамятстве. Ложки под руками не оказалось, но, помня наказ Любомира, она влила в серебряную чашу малую толику темно-коричневого взвару, подняла голову Ольги и попыталась влить ей снадобье в рот. Удалось сие не враз. Смочив княгине губы, Павла увидела, как она пошевелила ими, потом приоткрыла рот и облизала. Тут-то Павла не сплеховала и ловко вылила взвар княгине в рот. Ольга проглотила его, но по-прежнему не проявляла иных признаков жизни. Павла повела рукою по телу княгини. Оно было чуть теплое, а кисти рук и ноги – вовсе холодные. И Павла принялась растирать их, как в новгородской земле растирают отмороженные конечности. Да так увлеклась делом, что не заметила, как в опочивальню вошли теремные боярыни и молча наблюдали за тем, что делала Павла. Она же заметила, что руки и ноги у княгини вдруг стали теплыми. А как посмотрела на лицо Ольги, так и ахнула от радости: оно порозовело. Павла тронула его рукой, ощутила тепло и нежность кожи. И у Павлы навернулись на глазах слезы.

– Спасибо тебе, Любомир, ты спас мою княгинюшку, – прошептала Павла.

Княгиня Ольга в это время открыла глаза и спросила:

– Что со мной, Павла?

– Да ничего, матушка княгиня. Ты утомилась вчера и сомлела.

– Вон как! Теперь скажи им, чтобы все ушли.

– Идите прочь, боярыни, и передайте домашним, что княгиня во здравии.

В лад кивая головами, боярыни покорились и покинули опочивальню. Ольга проводила их взглядом, еще полежала немного молча, потом тихо заговорила:

– Виделась я ноне во сне со своим желанным семеюшкой. Велел он мне идти в Древлянскую землю, а как быть там, не сказал. Говорит, иди к Богомилу, он и поможет. Токмо как слушать Богомила, ежели он скажет, что и траву выжечь нужно на Древлянской земле.

– А князь Игорь что же?

– Сказала я: Богомил мне не советчик и не указ. Он же засмеялся.

– Дурной знак, – заметила Павла. – Зачем же смеяться?

– И мне показалось: к чему?

– Что же теперь?

– Весной пойду на древлян, князя Мала должно наказать. А там как бог Перун подскажет. – Ольга села на ложе, потом встала с него и неожиданно, как в молодые годы, потянулась. И с удивлением спросила:

– Павлуша, что же со мной: ни усталости, ни боли в груди?!

– То и проявилось, матушка, что к жизни вернулась.

– И кровь горит, и дела хочу!

– У тебя теперь много забот. Радуйся.

Ольга увидела глиняный сосуд, взяла его.

– А здесь что, не зелье ли?

– Взвар, матушка. Я была у Любомира, так распорядились бояре и воеводы.

– И ты поила меня сиим взваром-зельем?!

– Осмелилась, матушка. Мы уж и надежду потеряли увидеть тебя на ноженьках.

– Но как ты посмела брать у моего недруга какое-то зелье?

– Посмела, матушка княгиня. – Павла стояла перед Ольгой не склонив головы, смотрела ей в глаза и была полна достоинства и силы. – Ты великая княгиня, за тобою – держава. Ты мать наследника престола, коему три годика. Как можно было допустить сиротство Руси и сына?!

Княгиня Ольга редко позволяла кому разговаривать с собой вольно и без почтения. Высокомерие ее шло от веры. Она считала себя выше всех простых смертных. Лишь Павле она позволяла говорить как равной с равной. Эту сродницу Ольга считала особой женщиной, потому что она родила и растит сына-богатыря. Сказали же ей волхвы, что сей отрок, именем Добрыня, засияет особым светом и свет тот не угаснет в памяти людей, пока есть такая держава, как Русь. Только за это Павле можно было прощать многое. К тому же она сказала правду: нельзя осиротить ни сына, ни державу, коя еще молода и не окрепла и может стать добычей враждебных племен и государств. Ольга улыбнулась и миролюбиво сказала:

– Ладно, забудем о старом колдуне. А взвар спрячь. Знать, сила в нем могучая. Идем же, я хочу увидеть сына, увидеть людей.

– Да, матушка княгиня. Токмо переодеться надо. Со вчерашнего в одном... – Павла вышла из опочивальни, позвала сенных девиц и отдала Ольгу на их попечение. Сама же прошла в трапезную, где шли громкие и оживленные разговоры. Лишь только Павла появилась, как вельможи окружили ее и начались расспросы о самочувствии княгини.

И только один воевода Свенельд остался непричастным к разговору и продолжать стоять в темном углу трапезной. Его уже не интересовало здоровье княгини. Она встала на ноги. Чего же еще? А ведь лишь минувшей ночью Свенельд примерял на себя великокняжеские одежды. Сии одежды оказались ему не к лицу. Но кафтан правителя всея Руси при малолетнем великом князе Свенельду пришелся впору.

Худо ли простоял при князе-отроке Игоре мало кому известный в Новгороде усманский князек Олег? Да поднялся до великого князя, щит на вратах Царьграда прибил... Он, Свенельд, тоже сие мог бы исполнить, позвав на Русь новые варяжские дружины. Да тому не дано исполниться. Вот она, великая княгиня, вышла к боярам, к воеводам и улыбается, с горечью подумал первый воевода Руси.

Глава седьмая

Тризна

Шло время, а великая княгиня Ольга не могла забыть свой сон, в коем встретилась с князем Игорем. И чем дальше сон уходил от нее во времени, тем упорнее она убеждалась, что ночное видение вещее. Она еще пила снадобье Любомира, потому как оно оказывало на нее благотворное влияние, и ощущала себя молодой и полной сил. Ей хотелось смеяться и даже бегать. Однако Ольга гасила в себе эти недостойные ее возраста и положения желания и поддерживала в себе только одну жажду мщения, потому как на это чувство имела право.

Лишь только опали на деревьях листья, как Ольга послала в Искоростень сеунча с коротким наказом:

– Скажи князю Малу, чтобы готовил меды, да выставил их в той роще, где был убит князь Игорь. А как явлюсь на землю древлян, пусть выведет свою дружину, дабы мы вместе справили тризну по великому князю.

Гонец умчал с наказом. А спустя день и великая княгиня Ольга выступила с дружиной из Киева. Шесть тысяч воинов шли в поход на Древлянскую землю по степи Правобережья. Воины мчали налегке. У каждого был лишь небольшой запас еды, торба овса для коня и на сей раз к этому скупому провианту было положено в дорожную торбу по глиняному сосуду с крепким вином. Так было велено княгиней Ольгой. Она же повелела не пить того вина, но беречь до особого часу. Никто из воинов не знал, когда придет тот «час» и можно будет открыть баклаги. Оставалось запастись терпением. Не знали того и воеводы, потому как в походах хмельное не пили, так шло с Олеговых времен. Свенельд попытался узнать о том, что задумала Ольга. Спросил ее, приблизившись к кибитке, в которой она ехала:

– Матушка княгиня, скажи своим воеводам, зачем взяли вино и будем ли биться с древлянами.

Ольга же ответила коротко и так жестко, что у Свенельда отпало желание спрашивать еще о чем-либо:

– Сказано всем: узнаете в нужный час.

Понял Свенельд и то, что Ольга не желает делиться с воеводами своими замыслами, и смирился с этим. Однако Ольга не посвящала воевод в свои замыслы неспроста. Боялась она выпустить тайну на свободу. Как бы ни был предан княжескому двору воевода Свенельд, но положиться на него она не могла. Стоило улететь тайне к древлянам – встретят ее дружину во всеоружии и битвы не миновать. Она же решила не потерять в этом походе ни одного воина, но повергнуть врагов, к коим шла на встречу. Вспоминая, что сказала гонцу, княгиня Ольга подумала: лишь только придут под Искоростень в рощу, где убили Игоря, сразу же заставит своих воинов насыпать на могилу князя холм. Сама же встанет рядом с могилой и скажет каждому воину всего четыре слова. Четыре слова. И тем они повенчают тризну по великому князю.

Ночь дружина провела в пути. Княгиня Ольга сидела в кибитке и, не сомкнув до самого рассвета глаз, все думала. Велико было ее дерзновение, великую ношу брала она на свои плечи. Потому засомневалась: слова ее, сказанные отдельно каждому воину, могут пропасть втуне. Тогда что? Нет, без совета с дружиной она не могла ринуться в столь опасное и отчаянное дело. И на рассвете, когда Искоростень был уже виден, Ольга остановила дружину на опушке соснового бора, велела воеводам поставить воинов в круг близ ее кибитки. Сама поднялась в седло на боевого коня и, когда воины сплотились вокруг, сказала им:

– Слушайте, дети Игоревы. Верю, что вы любили вашего князя, с ним устрашали Царьград! Он пал, коварством одоленный, но не отмщен. Взывают к мести ваши отцы и братья, они

пали вместе с великим князем. Их тела брошены мерзкими древлянами на съедение диким зверям. Теперь каждый из вас исполнит долг пред павшими и предаст смерти ваших и моих врагов. Их мало, всего по одному на каждого из вас. Только по одному. Встаньте близ каждого древлянина и одолейте! Верю, одолеете и в бою или как будет сподручнее. Вы – мстители! Омойте руки кровных врагов их рудой! Готовы ли постоять за князя, за его павших воинов?

И кто-то крикнул:

– Князь пошел, и мы за ним!

А там накатилося волною:

– Готовы! Готовы! Готовы!

– Посему внимайте последнему. Справляя тризну по убиенным, каждый из вас прислуживает только одному древлянину, поит его крепким вином, что в баклагах у вас. И сами пригубите за князя. Когда же хмель лишит рассудка врагов ваших, воевода Свенельд зажжет близ Игорева кургана костер. Сие и будет знаком для всех вас. Лишайте жизни врагов без сомнения! Сие и будет порукой любви вашей к великому князю, к павшим невинно. – И Ольга повернулась к воеводам, спросила главного: – Так ли сказано, храбрый Свенельд?

– Мудрость твоя, великая княгиня, мне ведома. Ни убавить, ни прибавить не смею.

– Верно сказано, – согласился и Посвист.

Лишь воевода Претич пожал в сомнении плечами.

– Тогда вперед, воеводы, вперед! – И Ольга поскакала к роще.

Сотня отроков и гридней поскакала за ней следом. И вся дружина двинулась на рысях.

Искоростень приближался. Обнесенный высокой крепостной стеной, он был хорошо виден. Увидели воины и рощу слева от города. В ней же скопление людей, кои пока были неразличимы – воины или нет. В пути к роще Ольга придержала тысяцкого Путятю, сказала:

– Видишь подлесок? Отведи туда своих воинов. А как увидишь пылающий в роще костер, отсеки всех, кто появится из города или прорвется из рощи.

– Исполню, матушка княгиня, – ответил Путятя и умчал к своим воинам.

Все ближе дружина княгини Ольги к роще. Там, по опушке, выстроилась пешая дружина князя Мала. Ждут спокойно и оружия не обнажили. Воины Ольги тоже не взялись за рукояти мечей.

Ольга поехала шагом. Свенельд не отстает от нее. Дружина за ними вплотную. Княгиня ищет глазами среди древлян князя Мала. Но она не видит его, дородного, крепкого, с бронзовым лицом воина. Сердце кольнула досада: «Так-то ты, жених, встречаешь свою суженую! Да выйдешь навстречу, выйдешь!» – с вызовом повторила Ольга.

От древлян отделился воин средних лет, степенно двинулся к Ольге и Свенельду, остановился в нескольких шагах и сказал:

– Воевода Яровит приветствует вас от имени князя древлянского Мала. Все для тебя, великая княгиня, готово: меды, дружина...

– А что же сам князь, сватов заслал, а невесту не встречает?

– Как узнал, что ты, матушка княгиня, согласна быть его супругой, так и захмелел от радости и от медов крепких. Головой мается. Да как тризну справишь, так и явится.

– Ждать буду. Теперь же, воевода Яровит, веди к могиле великого князя Игоря.

– Тягостно. Однако поведу. – Яровит помог Ольге спешиться, подождал, когда Свенельд покинет седло, и повел их к дальнему мысу рощи.

Княгиня Ольга вначале шла легко, но чем ближе было к могиле, тем шаги ей давались труднее, ноги будто прирастали к земле, каждый шаг давался с усилием. Думала ли она когда, что будет идти к могиле мужа следом за врагом, который, быть может, и убил его? Это испытание оказалось выше сил Ольги. Ее сознание мутилось, в нем смешались все: и горе, и ненависть, и оскорбленное достоинство, и сожаление о том, что князь стал жертвой алчности варяжских воинов.

Близ могилы Ольга не справилась с нервным потрясением, упала на колени, ткнулась лицом в свежую землю могилы и, задыхаясь в рыданиях, по-бабьи запричитала. Да и было отчего. Канули сорок два года супружеской жизни, счастливой и безмятежной, с глубоким почитанием друг друга, с любовью, которая пришла к ней накануне шестнадцатой весны. Эти сорок два года из жизни не выплеснешь, как воду из таза. И что бы ни вменяли древляне в вину Игорю, простить их за то, что они лишили ее супруга, а великую державу любезного государя, радетеля земли русской, она не могла, не хотела, не имела права. Да, она сошлась бы мнением с тем, кто сказал бы, что поступок великого князя заслуживает осуждения. Осуждения! Но не смерти! Поднять руку на великого князя великой державы – вот злодеяние, оправдания коему не найдется. Нет, за это надо наказывать! А разве не заслуживают воины князя сурового наказания за то, что убили пятьсот сонных воинов. И Ольга, рыдая и стеная над могилою князя, мужа, отца их сына, в какой раз поклялась:

– Супруг мой любимый, князь-солнышко, ты будешь сполен отмщен. Только месть вероломному врагу остудит мое сердце, месть до той поры, пока жив хотя бы один древлянский воин!

Ни Свенельд, ни Яровит не слышали, что там за слова прорываются сквозь рыдания княгини. Но если бы услышали то, что уходило в сырую землю и, может быть, достигало праха князя Игоря, то содрогнулись бы. Да, час содрогания и ужаса близился. Ольга наконец поднялась с могилы и, не поднимая глаз, заплаканная, постаревшая, тихо сказала:

– Вы уж меня простите за бабьи причитания и слезы. Вот, освободилась от них и рассталась со своим семеюшкой. Теперь же я вольная птица, и ежели князю Малу любя, пусть приходит в рощу и скажет свое. Пока же воины насыплют курган, а там и тризну справим. – И Ольга отошла в поле на пашню, набрала две горсти земли и принесла ее на могилу. И Свенельд принес. И Яровит бросил две пригоршни. Тут пять тысяч древлянских воинов цепочкой пошли и несли, несли с пашни землю, и гряда ее поднималась все выше. Там подоспели воины Ольги и, нагребая землю в полы кафтанов, в шапки, в свитки, скинутые из-под кафтанов, бежали к могиле и поднимали, поднимали курган. И когда последний воин бросил землю на вершину, курган уже поднялся в два человеческих роста. Тогда великая княгиня опустилась на колено и по-воински поклонилась кургану, и все воины ее тоже исполнили сей обряд. Она же подошла к Свенельду и велела ему приготовить на холме в роще кострище. И был дан знак воинам идти в рощу, где на большой поляне были раскинуты длинными рядами холсты, и на них лежали хлеба и мясо, сыр и мед в глиняных плошках. Рядом же стояли бочки с крепкой медовухой.

Воины-древляне, не мешкая, наполняли ковши, потчевали друг друга. Отроки и гридни княгини смешались с древлянами, свое хмельное достали из заплечных сум. Началось угощение древлян. И сами воины Ольги пригубили хмельного. Тризна набирала силу. Десять тысяч воинов гудели, шумели, выплескивали печаль. И хмелели все сильнее одни, и наливались яростью другие.

А Свенельд уже приготовил костер. Гридни натаскали хворосту большую кучу, бересты нарезали, обложили ею хворост по кругу, дабы вспыхнул костер в один миг. И теперь воевода только ждал знака княгини. Но Ольга медлила. Ей казалось, что воины-древляне еще не упились. К тому же воевода Яровит озадачил Ольгу вопросом, и она отметила на его лице настороженность. Он же спросил:

– Ты, матушка великая княгиня, принимала в Киеве наших послов числом двадцать?

– Принимали, воевода Яровит, всем миром, – ответила Ольга.

– Потом был твой гонец, и мы еще послали тринадцать послов. Их ты тоже принимала? Или они не добрались до тебя? – Воевода уже не раз приложился ковшу с медовухой, и маленькие серые глаза его смотрели на княгиню Ольгу без какого-либо почтения.

– И тринадцать послов принимала на теремном дворе. А что?

– Да об одном хочу спросить, как там мой тестюшка боярин Клим? Он каждый раз в гостях животом мается.

– Не заметила, воевода. Да спрошу тебя: ты сам-то головой не маешься. О почтении забыл. Я тебе не челядинка.

– Маюсь, потому как забыл спросить от имени князя Мала: что с нашими послами, почему до сей поры не вернулись?

– Вернулись, – ответила Ольга холодно. В ней с каждым мгновением нарастала ненависть к этому хитрому узкоглазому древлянину. Ей что-то подсказывало: он поднял меч на князя Игоря.

– Где они? Хочу их видеть. Тестюшку обнять.

– Там они, у леса, с моими воинами.

– Отпусти же их, пусть сюда придут. – Голос Яровита прозвенел грубо.

Ольга сие отметила и на отрока-телохранителя значительно посмотрела. Он же наполнил ковш медовухой и подал Яровиту. Ольга сказала:

– Я отпущу их, когда князь Мал в рощу придет.

– А ежели не придет? – Яровит отстранил левой рукой ковш, правую положил на рукоять меча.

– Полно, воевода, не яришь. Быть по-твоему: я их отпущу. Сей же час велю воеводе Свенельду послать воина с наказом. – И Ольга в сопровождении своих отроков направилась на холм.

Свенельд ждал ее с нетерпением. Он видел, что миг настал, что древляне сами могут затеять свару, ежели упустить тот миг. И когда Ольга подошла, он сказал:

– Матушка княгиня, пора!

– Пора, воевода, пора! – ответила она.

И Свенельд, не мешкая, сделал рукой знак гридням, и четверо из них побежали на тыльную сторону холма. Там воины держали зажженные факелы-витени. Гридни лишь крикнули: «Зажигай!» – и воины тотчас сунули витени под хворост, под бересту. И береста загорелась, и хворост охватило огнем, и вот уже все кострище запылало, и все, кто был в роще, увидели вознесшееся к небу пламя.

И прошла малая толика времени, в течение которого над рощей звенел сплошной вороний грай. А под кронами берез, там, где на белых холстах остались нетронутыми караваи хлеба, недопитые чаши с медом, стояла тишина. Она длилась недолго и была зловещей. Потом воины Ольги, словно по команде, склонились над убитыми древлянами, сняли с их поясов мечи и бегом покинули рощу, будто опасаясь, что тучи воронья, кружившие над рощей, бросятся на них и заклюют.

Княгиня Ольга и воевода Свенельд спустились с холма и молча прошли через все пространство резни, где остались лежать пять тысяч древлянских воинов. Княгиня помнила, где оставила воеводу Яровита, и подошла к тому месту. Он лежал на спине и смотрел в небо открытыми глазами, и в них таились хитрость и удивление. «Ну вот, Яровит, мы с тобой и сочлись», – прошептала она. С тем и покинула место побоища, где не было раненых, а только мертвые. Выйдя из рощи, княгиня велела подвести коня. Ей помогли подняться в седло, и она поехала к могиле Игоря. Там постояла немного и промолвила:

– Я еще вернусь к тебе, мой любимый семейюшка, – развернулась и помчалась к подлеску, где затаились воины Путяты. Следом за княгиней мчались лишь три десятка воинов из личной охраны. Тысяцкий Путята встретил Ольгу, и она повелела ему:

– Иди со своими воинами к главным воротам, позови князя Мала или его воевод, скажи им, что вызываешь на честный бой. Ежели не выйдут вместе с князем, скажи, что всем им будет худо. С тем и возвращайся.

– Все передам слово в слово, матушка княгиня, – ответил Путята и умчал к своим воинам.

Княгиня Ольга не стала ждать, когда соберется вся дружина. Она вернулась на опушку соснового бора, там нашла свою кибитку, ей помогли сойти с коня и подняться в удобный дорожный возок. Едва она опустилась на медвежью полость, как силы покинули ее и Ольга во второй раз за минувший день разрыдалась. Как ни крепка была ее вера в то, что все содеянное ею за последние дни справедливо, что-то угнетало ее, лишало покоя, сна, отнимало силы, бросало в пучину раздумий, сомнений. Все это изматывало Ольгу до такой степени, что она боялась за свой рассудок. И в такие минуты перед нею возникал образ человека с суровыми и грустными глазами, с упреком на устах. Он являлся к ней уже какой раз и раздражал ее, но что-то было в нем притягивающее. Сиим человеком был священник церкви Святого Илии, отец Григорий. С его образом перед глазами Ольга впала в забытие и пришла в себя лишь на теремном дворе.

Глава восьмая

Сборы в новый поход

На Руси начались зимние праздники. Язычники ожидали их с нетерпением. И дождались, обрадовались. Они высоко чтили Коляду, коего звали богом торжеств и мира. Держава в этот год ни с кем не воевала, земля уродила много плодов, зерна, скот на дворах принес хороший приплод, в лесах приросло много зверья, птицы, в реках буйно жировала рыба. И пчелы хорошо потрудились на медоносах. Было из чего сварить медовухи к колядским праздникам. По деревням и селениям в колядские вечера парни и девки жгли на околицах костры, отогревали землю над усопшими родителями, дабы тепло живых давало знать покойным о том, что их помнят.

В Киеве на улицах гуляли ряженые, пели колядские песни, дети бегали по дворам, славили Коляду, веселили хозяев и выпрашивали дары. На Священном холме, в капище идолов царило свое. Там бога торжеств и мира ублажали жертвоприношениями, лилась кровь животных, птиц, пылал жертвенный огонь. Сотни пожилых киевлян пришли на встречу с Богомилем, дабы услышать от него о том, что сулят им боги Перун и Коляда. Будет ли мир или накатится война?

В эти же колядские дни в двух церквах Киева, незаметно для большинства киевлян, христиане справляли свой престольный праздник, Рождество Христово. В церкви Святого Илии в рождественскую ночь пред сотней верующих священник Григорий возносил слова любви и милосердия Божьего.

– Нет щедрот равных Твоим, Господи, и на праведных и неправедных исходит роса благодати Твоей. И над злыми восходит солнце Твое.

Вознося хвалу Господу Богу, священник Григорий вспомнил о великой княгине. Как хотелось ему помолиться за Ольгу. Но череда жестоких расправ, учиненных по ее воле над древлянами, отвращала Григория от Ольги.

– Кто может отрицать благодать Твою? – продолжал священник. – Дождь Твой, Господи, нисходит и на нечестивых. Кто не исповедует милосердия Твоего? Да воссияет мне солнце щедрот Твоих, которое неподвластно никакой тьме. Ниспошли на народ мой великий дождь милосердия Твоего, омывающий от скверн. Никогда не содрогнется тот, кому Ты бываешь опорой. – И снова отец Григорий вспомнил о княгине Ольге. Все-таки он и для нее читал проповедь. Видел же он ее не только гордой и недостижимой, но и сомлевшей от слабости, от простого человеческого горя. Да, Господь Бог не мог быть для нее опорой. Но он, пронесший любовь к ней через десятилетия, мог ли он отвернуться от нее и не протянуть руку помощи? – Кто Тебя имеет пред очами, того не обольстит никакой грех, кто на Тебя взирает, у того не возмутится дух!

Церковь Святого Илии хотя и считалась соборной, но была бедна. Ее украшало мало икон, стены не всюду были расписаны христианскими символами и святыми. Немного горело свечей, потому как мало имелось подсвечников. Церковь часто разоряли язычники, крали из нее все, что попадалось под руки. Но, несмотря на бедность, дух торжества и величия Христовой веры витал в храме. Проповеди священника Григория, пение псалмов церковным хором – все это наполняло прихожан ликованием, гордостью за то, что в крещении обрели богатство не земное, а небесное. Сам священник Григорий искренне верил в то, что за христианской религией будущее всей Руси.

Не так думали и не тем жили в эту пору в княжеских палатах. Великая княгиня Ольга, окрепнув телом с помощью целебного отвара кудесника Любомира, оставалась жестокосердой. Языческая суть торжествовала в ней и требовала деяний во имя бога Перуна. Не затухала и

жажда кровной мести. Боярыня Павла печаловалась своей подруге боярыне Аксинье о том, что княгиня и во сне лишь ею живет. Да все князю Игорю сетует: мало за него отплатила. Чем в эту пору жила княгиня Ольга, знали через воеводу Асмуда все варяжские воеводы и воины. Среди них было много сродников, погибших от древлян. И не было дня, чтобы кто-то из воевод или воинов не напомнили главному воеводе Свенельду, что пора побудить княгиню на новый поход на Искоростень. Воеводы Свенельд и Асмуд стали главными советниками Ольги. Она забыла в эту пору о том, что у нее есть совет старейшин: градские старцы, близкие княжескому двору бояре, бывалые воеводы – все они были мудры и богаты житейским опытом. Нет, Ольга с ними не советовалась. Но каждый день за полуденной трапезой Свенельд докладывал княгине о том, как готовится большая дружина к походу, здесь же, за трапезой, Свенельд спрашивал других воевод и тысяцких, как у них идут дела. Сегодня Свенельд потребовал доложить, как справляются новгородские и псковские мастера с уроком, прибудут ли в Киев весною заказанные новые ладьи.

Путята отвечал уверенно и с гордостью за своих земляков:

– Новгородцы верны слову. По первой воде и пригонят. Да, поставили они на ладьях камнемётные машины. То-то будет чем утешить древлян. И псковичи хорошо выполняют урок.

За Путятой докладывал Ольге и вельможам воевода Претич:

– Под Черниговом и под Белгородом объезжаются более двух тысяч боевых коней, коих пригнали из кубанских степей.

– Славно сие, – отметила княгиня Ольга. – А о молодых воинах ты, воевода Претич, печешься? Прибудут они в дружину?

– Матушка княгиня, охотников послужить тебе мы уже собрали. Да отобрать из них нужно по силе и стати. Абы какие хлипкие в дружину не нужны. Вот просится к нам в гридни отрок Добрыня, сын боярыни Павлы. Ему двенадцать лет, а он меня пошатнул.

Ольга посмотрела на Павлу, сказала ей:

– Вот и отдай под начало Дамора, десятского.

Павла покачала головой и ответила твердо:

– Нет моей воли, матушка княгиня, идти в дружину. Силы в нем много, а ума еще не нажил.

– Не печалься, Павла. Пока Добрыне и впрямь рано в строй, – согласилась княгиня. – Да и палицу ему еще не отковали. Но свое тебе скажу: отдай Добрыню Асмуду, пусть воевода учит его уму-разуму. Да вместе они о князе Святославе попечутся.

...Миновали Коляды. И праздник Рождества Христова ушел до новой поры. Солнце с каждым днем выше в гору поднималось. Пришел месяц-бокогрей, февраль. Да недолго погулял, сменил его март. На Днепре проталины появились. Соки в деревьях пришли в движение, грачи прилетели, весной запахло.

И однажды, уже по рыхлому снегу, княгиня Ольга поднялась на Священный холм, пришла за советом к верховному жрецу Богомилу.

– Говори, верный слугитель Перуна-мироправителя, есть ли нам знак бога-воителя в поход идти?

– Многажды сей знак являлся. Перун ждет подвига от детей своих, россиян. Не доводите его до гнева. Ужасен будет сей гнев, страшней, чем минувшей осенью.

– Избавь нас, мироправитель, от подобного гнева, – помолилась Ольга Перуну. – Мы идем в поход на древлян. Будет ли нам удача?

За вечно сурового, молчаливого идолища ответил Богомил:

– Не сомневайся, великая княгиня, ты под крылом у своего господина. Он поможет твоим воинам одолеть врага.

Но княгиня Ольга засомневалась в искренности Богомила. Она прошлась по каменным плитам капища и, заглядывая в лики богов, впервые увидела, что их глаза равнодушны и пусты. Она вспомнила Царьград, дворцовую церковь императорской семьи и мраморные статуи святых апостолов. Тогда они поразили ее живостью ума в глазах и ликами, на коих светилось живое участие к судьбам каждого верующего, кои приходили к ним за помощью, прикасались к теплому мрамору. И Ольга подумала, что надо позвать из Византии мастеров, дабы поставить вместо деревянных и равнодушных идолов богов, достойных великой державы.

С этим желанием Ольга и покинула капище, потому как она услышала от верховного жреца главное: он одобрял ее поход, и все вельможи, воеводы слышали сие. На холме Ольга остановилась. Отсюда хорошо был виден Подол. Бревенчатая крепость окружала скопище палат бояр, воевод, зажиточных горожан, торговых людей. Ближе к Днепру, в детинце – княжеские терема. Они внушительнее и красивее, чем другие городские строения. Но Ольга давно думала о том, чтобы их перестроить, поставить каменные палаты, дворцы, дабы вознеслись они над градом.

Там же, за крепостными стенами, располагались воинские казармы, караульни, конюшни, скотные дворы, амбары и склады – все нужное, особенно в пору, когда к городу подступали враги, начинали осаду. Пока же Ольга сама готовилась к осаде Искоростеня. Знала она, что ежели древляне закроются в крепости, не враз одолеешь ее крепкие дубовые стены. И теперь оставалось дожидаться, когда пройдет на Днепре полая вода, а до того послать в Древлянскую землю конную дружину Свенельда.

Вернувшись в княжеские палаты, Ольга повелела созвать совет старейшин. А как собрались кому нужно в гриднице, провозгласила:

– Слушайте, старцы градские, бояре и воеводы. Я иду на Искоростень. К тому побудил меня мироправитель Перун. Повелеваю всем дружинам, кои стоят в Белгороде, Чернигове и Вышгороде, сойтись в Киеве. Что скажете вы, мудрые и достойные совета?

Старейшины одобрили поход. И сие одобрение выразил немногими словами преклонный воевода Василий Косарь:

– Иди, великая княгиня. Именем бога Перуна благословляем твой поход ради отмщения.

Весть о большом походе на Древлянскую землю взбудоражила не только ближние к Киеву города, но и дальние. Докатилась до Новгорода, Полоцка, Смоленска, Ростова, Муром. Новгородский посадник Путята-старший созвал вече и спросил горожан, что они мыслят. Он-то думал, что новгородцы единым духом присудят собрать дружину и отправить ее в Киев на помощь великой княгине. Ан нет! Сказали горожане просто: «Мы, чай, тоже данники стольного града. А ну как Ольге или корыстному варягу Свенельду покажется наша дань мала. Тогда что?» Сей резонный вопрос так и повис в воздухе. Да и что можно было сказать, ежели Свенельда новгородцы не чтит и немало сломали копий, когда он приходил в Новгород за данью. Однако же судами разорились, отправили в Киев по первой большой воде и заказанные Претичем, и сверх того.

Великая княгиня простила новгородцам их вольность. Причина на то была: могла ли она обидеть бывший стольный град, в котором сидел на троне ее предок князь Гостомысл.

Киев в эти весенние дни жил в опьянении. И немало сделали для того жрецы Богомила, кои ходили по улицам и призывали горожан послать своих сынов с метлами на Древлянскую землю, очистить ее от тварей, имя которым древляне. И у горожан снова возобладала над всеми чувствами жажда кровной мести. В конце зимы вернулся из полюдья по Смоленской земле воевода Малк. И теперь в Киеве достоверно знали, кто остался при князе Игоре и погиб, а кто ушел с воеводой Малком. Был счет убиенных, и высветилось пятьсот семь имен, из коих половина варягов и половина славян. И сочли родные и близкие тех и других, что месть была неполной, еще мало древлян предано смерти в минувшем году. И потому толпа жаждущих

крови каждый день с утра до полуночи не расходилась с площади от княжеских теремов, требовала от княгини Ольги немедленного похода на Древлянскую землю.

Лишь киевские христиане не были подвержены дурману. Когда княгиня Ольга решила пополнить свою дружину, христиане не отпустили своих сыновей. «Зачем вы пойдете карать древлян? – спрашивали матери и отвечали: – Они свое защищали, и Господь помог им накажать злочинцев». Да в эту пору в Киеве было довольно мало христиан. И протест их был гласом вопиющего в пустыне. Лишь пастор христиан, священник Григорий, в суматошные дни сборов на Искоростень вновь проявил мужество и отправился на теремной двор. «Господи, всесильный и милостивый, помоги мне вразумить неверную, остановить ее от бессудного злочинства. Досталь она уже осиротила Древлянскую землю».

Григорий помнил, что в первый раз он пришел в княжеские палаты без помех. Но причины того сразу не понял, подумал, что телохранители не обратили на него внимания. Но нет, он вспомнил, что шел с высоко поднятым крестом, и сей крест обжигал лица язычников, и они распахивали двери, дабы избавиться от наваждения. Выходило, что в кресте, а может быть, в нем самом была сила и она влияла на тех, кто встречался на пути. Да было же подобное и в ту ночь, когда язычники попытались учинить разбой над христианами.

Все сие осмыслив, Григорий пришел к одному: на него нисходит Божья благодать и его поступками движет Божье Провидение. И, уповая на поддержку Всевышнего, Григорий ступил на теремной двор. На сей раз здесь было малоллюдно, лишь в глубине двора стояла кучка воинов. Да у дверей гридницы толпились вельможи и простые горожане. Григорий подошел к ним, они расступились, и кой-кто поклонился ему. И он поклонился им, и руку поднял, дабы осенить крестным знаменем, но сдержался, потому как перед ним возникли отроки с обнаженными мечами. Они переглянулись и распахнули двери, открыли священнику путь. Григорий вошел в залу в тот миг, когда Ольга спрашивала у старейшин, кого назначить посадником в Искоростень, кого старостами, судьями и приставами при них, тиунами по селениям и малым городам Древлянской земли. В гриднице зашумели, каждому хотелось послать туда своего человека – сродника, близкого, – потому как знали, что та земля богата, и каждому хотелось быть поближе к тем богатствам... Каждый пытался перекрычать другого, дабы слышали только его, только имя, кое назвал он.

Григорию стало не по себе, он понял, что судьба Древлянской земли решена, что всем древлянам отныне быть в рабской зависимости от киевских вельмож, что свободолюбивый лесной народ потеряет свое имя, а земля его будет отдана на разграбление. И Григорий подошел к помосту, где в великокняжеском кресле сидела княгиня Ольга, и громко, отчетливо сказал ей:

– Великая княгиня, остановись от неверных шагов, не ступай через пропасть, не наказывай своих невинных детей рабством и смертью, дабы не отвернулись от тебя народы всей Руси за безрассудные действа!

Ольга встала, шагнула вперед и гневно крикнула:

– Как смел ты, жалкий раб, прийти на совет достойных?! Уведите его! В подвале ему место!

Пока гридни спешили к нему, он успел сказать:

– Княгиня Ольга, запомни, что изрек Господь: «Неправедный пусть делает неправду, нечистый пусть еще сквернится. Се, грядущее скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его!»

Когда же гридни подбежали к Григорию, он поднял пред ними крест. И те застыли, расступились, и Григорий, не опуская креста, покинул гридницу. А Ольга еще долго, словно изваяние, с занесенной для удара рукой, стояла на краю помоста и с гневом смотрела Григорию вслед. Потом она медленно опустилась в кресло и обвела взглядом залу, ожидая осуждения действий священника Григория, но не дождалась. И скорый на слово воевода Свенельд поспешил вмешаться, сказал княгине Ольге:

– Великая княгиня, пусть старейшины подумают над сказанным тобой. А мы пока поспешим в Древлянскую землю, исполним месть за павших и покорим недостойный народ.

Эти слова Свенельда возымели свое действие. Совет градских старцев, мудрых и многоопытных, согласился с воеводой. И воевода Василий Косарь выразил общее мнение:

– Иди, матушка княгиня, в Древлянскую землю с праведным судом. Там же все сложится, как ты мыслишь.

Но слова священника Григория укололи княгиню в самое сердце. Она не почувствовала удовлетворения от решения совета. Сама жаждущая мести и сама желавшая возглавить поход, Ольга вдруг ощутила в груди пустоту и полное безразличие к происходящему в покое. Еще не ведая почему, она пришла в смятение и подумала, что будет лучше, ежели поход состоится без нее. И не мешкая, дабы не изменить свое решение, она подозвала воеводу Асмуда и сказала ему:

– Приведи ко мне Святослава. Одень же его величаво!

Асмуд, как всегда, лишь кивнул головой и ушел через внутреннюю дверь в палаты. А в гриднице воцарилась тишина, все с беспокойством смотрели на княгиню, потому как поняли, что в ее настроении после дерзких слов Григория случились перемены. И длилась тишина до той поры, пока в зал не вернулся воевода Асмуд, держа перед собой за плечи четырехлетнего князя Святослава.

Княгиня Ольга взяла сына за руку и подвела его к краю помоста.

– Вот се князь Святослав, сын великого князя Игоря. Отныне я токмо мать великого князя всея Руси Святослава и мне стоять при нем. Он же поведет дружину на древлян. Каким бы вам ни показалось мое решение, я не изменю его!

Это короткое заявление княгини Ольги оказалось для всех полной неожиданностью. И потому прозвучало словно гром среди ясного неба. В гриднице все возмутилось, словно шальной ветер загулял перед грозой. Одни вспомнили, что так уже было при князе Олеге, который стоял правителем при великом князе Игоре, но сам стал великим князем. Другие отрицали такое правление, зная, что пока Ольга есть великая княгиня, власти у нее не отнимешь. А у правительницы? Кто мог поручиться, что все останется по-прежнему и не станет ли при малолетнем князе правителем воевода Свенельд. Страсти бушевали все сильнее. Однако у главных членов совета, градских старцев, решение Ольги не вызвало больших сомнений. Сей час настал, считали мудрейшие, и князю Святославу должно занять великокняжеский трон. И градские старцы, хотя и были голоса их слабыми, одолели разногласицу споров, и все тот же мудрый воевода Василий Косарь сказал от имени старцев:

– Слава мудрой княгине Ольге! Да будет так отныне и до конца века!

Так, без особых торжеств, но по закону державы, во главе молодой, но уже великой Руси встал малолетний князь с чисто славянским именем Святослав.

Позже, когда пришел час выступать в поход и великого князя Святослава уже готовы были посадить в седло на боевого коня, материнские чувства Ольги взяли верх над ее холодным разумом. Ольга представила себе, как ее малолетний сын окажется один среди суровых воинов и при нем встанет коварный воевода Свенельд, сердце ее зашлось от страха и жалости. И сказала княгиня Ольга воеводе Асмуду:

– Ты, кормилец и воспитатель князя, мною любим и сын мой за тобой как за каменной стеной. Но без родительского глаза в сей опасный поход я не отпускаю сына. Иду с ним! Вот и весь мой сказ.

Однако и на сей раз поход на древлян сорвался. В самый последний час, как поднять дружину в седло, в Киев прискакали три усталых всадника. Один из них был пожилой воевода Федор Волк, два других – его сыновья. Еще князь Игорь оставил воеводу Волка посадником в земле Муромы. Теперь же народ мурома не хотел больше быть под рукой киевских князей

и взялся добыть себе свободу и независимость. С тем и выгнал посадника и власть имущих при нем из своей земли.

Княгиня Ольга выслушала воеводу Федора Волка и разгневалась:

– Еще одним воли захотелось! Да попадут под ярмо болгар или хазар, тогда вновь будут молить Русь, дабы взяла под свое крыло.

Вспомнила княгиня, что стоило ее дяде князю Олегу собрать все малые народы в единую семью, и не могла допустить, чтобы следом за древлянами откололся от Руси народ мурома, а там земли вятичей или еще кого-либо, кто входил в великую семью славянских народов. Знала Ольга, что затевают борьбу за мнимую свободу не простые люди, а вельможи, власть имущие, и погрозила примерно наказать муромских смутьянов. Она же повелела Свенельду:

– Иди с воеводою Волком в Муром, накажи справедливо всех, кто поднялся бунтовать, утверди там воеводу Федора и оставь при нем тысячу воинов.

– Исполню, матушка княгиня, как велено, – ответил Свенельд.

– Отправляйся в путь сей же час, а мы будем ждать тебя.

И подготовленная для похода на древлян рать разделилась на две дружины, большую и малую. И во главе первой воевода Свенельд ушел на север усмирять бунт народа мурома.

Глава девятая

Горе и гнев

Три дня и три ночи в Искоростени и по всей древлянской невеликой вотчине князя Мала никто не знал покоя, но все от мала до велика были ввергнуты в горе и слезы. Три дня близ рощи сотни древлян и древлянок копали могилы, чтобы предать земле пять тысяч воинов, пять тысяч мужей, отцов, братьев. Пять тысяч миролюбивых жителей лесов, сложивших головы под коварными ударами мечей катов. Так древляне прозвали Ольгину рать, когда вскоре же после тризны увидели своих поверженных ратников.

Вместе с горожанами и селянами копал могилы и князь Мал. И плакал вместе с ними. Да было отчего, потому как потерял всю дружину, а с нею двух сыновей, еще брата, трех племянников, двух зятёв и многих иных сродников.

Ведь каждый десятый в Искоростени был в родстве с княжеским домом.

Похоронив пять тысяч павших воинов, воздав им должное по языческому обычаю древлян – сжигая чучела умерших и отправляя их дух в небо на службу Перуну, князь Мал впал в уныние. Он казнил себя за то, что поддался на уговоры своих воевод и бояр, да прежде всего воеводы Яровита, и напал на великого князя. Что ни говори, но он преступил закон. Да лучше бы отдать ему последнее достояние, чтобы от жадности подавился, но руку на него не поднимать. Да теперь уж содеянного не воротить. Так размышлял древлянский князь Мал. Копая могилу вместе с женами убитых, он удивлялся: «Мы, древляне, самые мирные русичи, и вдруг на такое пошли!»

Однако, предаваясь горю, оплакивая близких, князь Мал думал и о грядущих днях. Ему хотелось знать, утешилась ли великая княгиня, насытилась ли кровью тысяч древлян, простит ли их, сочтя наказание исполненным? Или продолжает вынашивать новые коварные замыслы?

– Бог мой, Коляда, и я еще сватался этому злему духу, к вурдалачке, жаждущей руды невинных, – в сердцах кричал князь Мал, осматривая рощу, в одночасье превращенную в братский жальник, и продолжая вспоминать княгиню Ольгу недобрыми словами за то, что осиротила чуть ли не половину племени древлян.

Князь Мал был добрым человеком. Он любил свой лесной народ, который испокон века жил с соседями мирно и утешался охотой на зверя и птицу, ловлей рыбы. Все это в достатке водилось по лесам Древлянской земли, в озерах и реках. Древляне никогда не считали себя воинами, не отличались воинственностью. Правда, в преданиях древлян рассказывалось, что однажды их вожди водили свой народ в поход на полян, кои жили по степному левобережью Днепра. И победили их и заставили платить дань. Да было сие давно, в незапамятные времена. И потому князь Мал считал, что несправедливо приписывать древлянам самые мерзкие человеческие пороки. Кому-то в голову пришло назвать древлян народом диким, живущим подобно зверям и питающимся всякой нечистью. Дескать, древляне проводят время в распрях, ссорах, драках, убивая друг друга кольями. Они не знают браков супружества, сочетаются по праву сильного, как лоси, кабаны, медведи. Все это были наговоры несведущих или злых людей, коим неведомо, что на земле древлян много книжных людей и вот уже несколько десятилетий древляне знают кириллицу – азбуку, принесенную на их землю паломниками Кириллом и Мефодием. И уж ежели говорить о зверских нравах кого-то, так сие можно сказать о полянах. Это они пришли на Древлянскую землю более полвека назад с огнем и мечом и покорили ее не только силой, ко и хитростью, коварством. Сказывали, что древляне оборонялись, как звери. Верно. Так ведь оборонялись, но не нападали на Олегову дружину, коя навалилась на малое число древлянских воинов тьмою. Позже князь Олег, посмеиваясь, говорил в дни полудня: покорил древлян только потому, что они сверх меры наслаждались вольностью лесной жизни.

Что ж, древляне покорились и тридцать лет исправно платили дань. А как умер князь Олег, то попытались освободиться от Киева, взялись за оружие, дабы вернуть свободу. Да дело до крови не дошло. Сошлись два князя, поговорили и пришли к согласию, что ежели вздумают драться, то больше потеряют. И дали древляне слово, что будут жить мирно и исправно платить дань, ежели она окажется посильной.

Князь Игорь все-таки увеличил тогда дань против той, кою платили князю Олегу. Да стерпели древляне, разве что больше проводили времени на охоте, дабы добыть достаточно пушного зверя на расплату. И опять прошло тридцать лет мирной жизни с Киевом. Что ж, он на то и стольный град, чтобы к нему все народы, признавшие его власть, относились почтительно. Только ведь и властелинам не все дозволено. Зачем было великому князю Игорю превращать свою дружину в беспощадную волчью стаю? Зачем допустили их в мирное древлянское стадо и они содрали шкуры со всех овец? Как жить? Ведь овца без шкуры не овца, а туша. Вот и побили тех волков древляне. Да маху дали, что лишили жизни великого князя. Тогда воевода Яровит первым погрозился снести голову князю Игорю. Но исполнил он намерение не своими руками, а побудил на то подручного дурня Дракоша.

В тот день князь Мал сам наказал сотского Дракоша, снял ему голову с плеч. Снял принародно, в назидание. И послов он отправил в Киев не для того, чтобы засватать княгиню Ольгу. Знал, что он, лесной мужлан, не пара великой княгине. Да были отправлены в Киев все те вельможи, кои больше всех ратовали за то, чтобы наказать великого князя Игоря и его дружину смертью. Оно, конечно, выходило, что князь Мал откупался теми послами, думая, что княгиня Ольга насытит жажду мести. Правда, князь Мал считал княгиню Ольгу менее жестокой и мстительной, чем оказалось на самом деле. Да и умнее. Неужели она полагала, что древляне не узнают о злодействе, учиненном на теремном дворе над двадцатью послами? Знали. Люди князя Мала, ведущие торговые дела в Киеве, имели острые охотничьи глаза и чуткие уши, все примечали, все узнавали и в одночасье, по лесным, ведомым только им тропам, доносили вести до князя Мала.

Правду о том, что первых послов закопали живыми на теремном дворе, князь Мал узнал после посещения киевского сеунча. Весть принесли вечером того дня, когда уже были отправлены в Киев еще тринадцать послов. Князь к тому же не хотел их посылать, но они вызвались сами. И старший из них, боярин Клим, даже кулаком по столу стукнул и заявил: «Мы заставим великую княгиню стать твоей семеюшкой!» Когда же узнал о судьбе двадцати послов, то сильно погоревал и попытался даже вернуть тех тринадцать, кои умчали в Киев на верную смерть. А что так будет, князь уже не сомневался. Не успели воины князя Мала перехватить послов. Боярин Клим гнал лошадей, словно спешил на свадьбу, а не на смерть.

Да мог ли он, князь Мал, предполагать, что коварство Ольги безгранично и кощунственно. Как она обвела его вокруг пальца, когда примчала с дружиной к Игоревой могиле на тризну! Понял князь Мал, что коварство, хитрость и жестокость – суть характера великой княгини. Рыдая на могиле мужа, она усыпила зоркое око даже хитрющего воеводы Яровита. Она залила сердца его воинов вином, усыпила их охотничью чуткость и хладнокровно, расчетливо, одним махом лишила жизни пять тысяч воинов. И не только воинов. Они же были еще мужьями, отцами, братьями.

«Бог мой, Коляда, как же мы сплеховали! Как нам теперь худо», – сетовал князь. Он знал, что никто из его воинов не держал в груди злого умысла и проявил полную доверчивость, не боялся за свою жизнь. Воины пришли в рощу, дабы уважить просьбу великой княгини. И страдали с нею искренне, и курган насыпали над Игорем как достойному воину. И хмельное пили, не оглядываясь на коварных отроков и гридней. Но добродушие и доверчивость воинов князя Мала подвели древлян. И ничем иным нельзя объяснить то, что случилось в роще. Пять тысяч воинов упали на землю, заколотые в спину, зарубленные со спины в одно мгновение. Лишь только пламя костра на миг осветило их лица, все было покончено. Князь Мал мог лишь

предполагать, что все так и было, потому что не осталось ни одного очевидца, кто бы рассказал о коварстве великой княгини.

Теперь в Искоростени нет дружины. Осталась сотня воинов в личной охране князя. И ежели враги придут к городу, то они возьмут его голыми руками. Не этого ли добивалась великая княгиня, не для того ли подступала к городу ее тысяча воинов и тысяцкий Путята требовал от него, князя Мала, чтобы вышел на битву. Он не ответил на клич Путаты, разгадав замысел врага. Путята несколько раз стукнулся лбом о крепостные ворота, потерял десять воинов и ушел в Киев.

Да знал князь Мал, что придут еще Ольгины волки и попытаются одолеть древлян в их городе. Ан нет, тому не бывать, взрывался князь Мал, вонзая заступ в землю. Не мешкая, он кликнет со всей Древлянской земли под свое знамя молодых воинов, отроков – всех, кто может держать меч в руках, – обучит их воинскому искусству и всему, что нужно уметь настоящему воину, и защитит с ними свой стольный град. Он пошлет гонцов к дулебам и бужанам на Буг, к лутичам и тиверцам на Днестр и позовет эти родственные племена на помощь. Верил, что братья по крови отзовутся. Он навяжет Ольге лесную войну, где его воины будут неуловимы, и там каждый древлянин будет драться за десятерых. И будут для Ольгиных воинов поставлены всякие ловища, капканы, волчьи ямы. Берегись, княгиня Ольга! Тебе больше не отнять у древлян ни добра, ни их свободы и жизней. Так рассуждал князь Мал, пока копал могилы, пока справлял скромную тризну по убиенным.

Возвратившись в город после всех печальных дел, князь Мал потерял покой, забыл об отдыхе и сне. Он разослал во все концы княжества и за его рубежи сеунчей, он повелел всем кузнецам ковать оружие, заготавливать всякий иной припас для войны с дружиной Ольги. Он собрал горожан на вече и объявил им:

– Древляне, стар и мал, слушайте, слушайте! Отныне, пока мы живы и свободны, зажжем огонь войны против коварных киян, против рабства под Ольгой! Теперь же говорю всем плотникам, всем лесным людям: вооружитесь топорами. Вам рубить лес и укреплять стены! Слышите?!

– Слышим, князь-батюшка, – отвечали лесорубы и плотники.

– Теперь же мой наказ рудознатцам и ковалям. Денно и ночью добывайте руду железную, варите железо на мечи, на копья, наконечники стрел. Нет вам отдыха, пока каждый воин не будет держать в руках меч, копье и каленые стрелы.

Гудела городская площадь. Каждое слово князя Мала встречало одобрение. Но были и недовольные. Князь Мал ничего не наказал делать древлянским вдовам, матерям и сестрам павших. Таких было больше половины из всех, кто заполнял площадь. Они же потребовали:

– Князь-батюшка, дай нам волю носить каменные снаряды на стены, добывать и варить смолу, брашно запасать, колоды готовить.

Князь Мал встретил это требование с благодарностью, сказал:

– Отныне все вы воины именем павших. И воля вам от меня на все, что во благо Искоростеня и всей Древлянской земли.

Лесной народ деятелен, к покою, к лени не способен. И лишь только князь Мал сказал последнее слово, как древляне, и городские и сельские, взялись за дела. Сотни их ушли в леса, дабы нарубить там вековых деревьев, кольев, жердей и все доставить в город по санному пути или спустить в половодье по реке Уше. Тысячи женщин взялись собирать камни на полях, по оврагам, добывали их в каменоломнях, носили на стены, укладывали под руками воинов, коим суждено будет встать на защиту города.

Князь Мал был предусмотрителен. Он знал, что ежели княгиня Ольга придет под Искоростень, то будет стоять, пока не одолеет крепость. Но знал князь и другое: воины Ольги не умели брать крепостей, не по зубам они киянам. Однако на долгую осаду Ольга способна. И князь готовился к тому, чтобы высидеть в долгой осаде. Он попросил своих селян о том, чтобы

они дали горожанам как можно больше брашно, привезли ко времени все, чем могли поделиться. Князь не пожалел своей казны и многим селянам заплатил за все, что они доставили в город. Скоро же отозвались и лесные люди. Они повезли в город все, что давали лесные уголья, озера и реки. Орехи и мед, лосиное и кабанье мясо, вяленое и копченое, рыба вяленая, сушеные грибы и ягоды – ничего не пожалели древляне своему князю, потому как чтили его не меньше, чем своего кумира Коляду, бога торжеств и мира.

К зиме Искоростень изготовился к обороне, готов был встретить врага. Дружина к этому времени насчитывала больше двух тысяч воинов, еще не очень умелых, но настроенных защищать отчий дом не щадя живота. И были древляне уверены, что не зря трудились день и ночь, укрепляя свой стольный град. Успели они обнести город еще одним рядом частокола и ров выкопали, коего прежде не имели. Еще выше подняли старую крепостную стену. У всех городских ворот устроили ловушки. Ежели враг проломит первые ворота, то до вторых не доберется, рухнет в ямищу, прикрытую плахами. И откроется под ногами врагов пропасть, на дне коей колья острые поставлены.

В самый разгар оборонительных работ из Киева пришел лазутчик Лученя, торговый человек, в меру хитрый и изворотливый. В Киеве он торговал с лотка да из заплечной сумы узорочьем и паволоками. И потому со своим товаром многожды побывал на теремном дворе. Там он и услышал то, что заставило его поспешить в Искоростень. Лученю привели в княжеский терем. Князь Мал принял его лично и разговор вели с глазу на глаз.

– Ну что ты, любезный Лученя, увидел-услышал в стольном граде? Выкладывай.

– Ведомо мне стало, князь-батюшка, что воевода Свенельд умчал с большой дружиной в землю Муромы, а оттуда пойдет в земли чуди и вятичей. Те народы, как и мы, порешили отколоться от Киева.

– Ишь ты! Нам сие любо. Но какая причина?

– Да что и у нас. Дань непомерную требует Киев, а варяги Свенельда грабят и жен насилюют.

– А что великая княгиня? – спросил князь Мал.

– Велела Свенельду идти по землям тех народов с огнем и мечом.

– Ох, порухи себе ищет княгиня. Ну а еще что у тебя, Лученя?

– Так самое важное, князь-батюшка. – Лученя хитро прищурил карие зоркие глаза. – Как узнали печенеги, что Свенельд и другие воеводы покинули Киев, пошли ордою от моря Козарского. И скоро под стольным градом возникнут. Сказывают, саранчой летят новые племена печенегов из-за Итиля.

– Откуда сия весть? – спросил князь.

– От козарских купцов. Они не лгут.

Князь Мал задумался. Ежели примкнуть к печенегам, то вместе с ними можно и Ольгу достать в стольном граде. Лученя понял, о чем задумался князь, смотрел на него выжидающе. Очень хотелось ему, чтобы князь сошелся с печенегами. Однако князь Мал погасил вспыхнувшее желание объединиться с печенегами, были у него к тому причины. Потому сказал Лучене:

– Ежели у тебя все, иди медов выпей в трапезной моим именем. А за радение спасибо.

Лученя ушел, а князь Мал долго ходил по приемному покою и примерялся к тому, что поведал лазутчик. Все-таки было заманчиво примкнуть к печенежской орде, да и посчитаться с Ольгой за пять тысяч убитых воинов и за послов, погибших в муках на великокняжеском дворе. Знал он, что печенеги примут его в орду, с какой бы малой дружиной он ни пришел. Печенеги никогда не отказывали в помощи бунтующим против великих князей племенным вождям. А князь Мал как раз и был таким вождем. Ох, как было заманчиво посчитаться с Ольгой, потому как и он, и тысячи подданных ему древлян обладали правом кровной мести.

Однако ни коварство, ни хитрость никогда не довели над разумом добродушного князя Мала. И потому он отказался идти на союз с печенегами против своих же братьев-славян.

Он даже не стал советоваться со старейшинами Древлянской земли, дабы не попасть под их волю. Он утаил от всех, с кем мог бы посоветоваться, все то, что принес ему лазутчик Лученя из Киева. И пройдет совсем немного времени, как князь Мал пожалеет о том, что проявил мягкосердие к великой княгине. Она же продолжала лелеять мысль о том, чтобы пройти по Древлянской земле с метлой.

Глава десятая

Перебирая жемчуг

Прошла зима. Свенельд усмирил бунтующих мурому, чудь и вятичей. И сделал сие без потерь своих воинов и не злочинствуя на тех землях. Сами народы поняли тщетность своих устремлений обрести от великой державы независимость и выдали зачинщиков бунтов. С тем и зажили мирно. Свенельд пригнал в Киев человек тридцать главных бунтарей, да вскоре же они были проданы в рабство византийским купцам.

С наступлением весны печенеги из-за Волги не двинулись в пределы Руси, а ушли на юг, в предгорья Кавказа, и там увязли в борьбе с горными племенами. На Руси все жили мирно и тихо.

Минуло полгода со дня гибели великого князя Игоря. Боль утраты у княгини Ольги уже притупилась, а с нею угасла и жажда мщения. Все это время княгиня занималась воспитанием сына, вела державные дела, принимала иноземных послов. И еще жила воспоминаниями, в коих находила большое утешение. Отраднее всего у нее было на душе, когда она вспоминала раннюю пору девичества. Стоило ей остаться в покое, где были собраны дареные диковины и рукописные книги, как она погружалась в свой волшебный мир. Ее не интересовали дары князю Олегу из золота и серебра, византийские сабли из лучшей в мире дамасской стали. Ей не хотелось заглянуть в список «Кириллицы», «Апостола», «Псалтири» или «Окотих», исполненных Кириллом и Мефодием в годы пребывания в Моравии. Княгиня Ольга лишь однажды подержала в руках христианские книги, но с пренебрежением уложила в шкаф с глаз подальше. Волшебный мир воспоминаний ей был желаннее.

Ликовал травень-май. Склоны холмов по берегам Днепра походили на многоцветные ковры. Всюду цветы, цветы. В цветах утопал теремной двор. На взлете весны юной княгине Ольге исполнилось шестнадцать лет. И в этот день ранним утром первым поздравил Ольгу с днем рождения князь Игорь. Все шесть лет, кои считались они мужем и женой, Игорь помнил сей день и делал так, чтобы он запомнился Ольге на весь год. Наступивший день рождения, по мнению Игоря, был особым. Да так оно и было. Наконец-то они сольются в единое на супружеском ложе, как тому должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.